

Книга оцифрована и представлена для скачивания в рамках некоммерческого, культурно-просветительского проекта:

Данный проект направлен на поддержку писателей-путешественников, распространение знаний об Уральском регионе, предоставление доступа к редким книгам всем интересующимся.

Электронная библиотека проекта: <https://book.exje.ru>

In the LAND of the REINDEER

Тропою северных оленей

Декоративно-прикладное
искусство
народов
Крайнего Севера

Издательство „Аврора“. Ленинград. 1974

In the **LAND** of the **REINDEER**

APPLIED ART IN THE NORTH
OF THE SOVIET UNION

Aurora Art Publishers · Leningrad

T 80104-023 22-74
023 (01)-74

Introduced and compiled by N. Kaplan
Edited by S. Ivanov
Designed by A. Kuzminsky
Автор вступительной статьи и составитель альбома
кандидат искусствоведения Н. И. Каплан
Научный редактор доктор исторических наук С. В. Иванов
Оформление и макет художника А. И. Кузьминского

© Aurora Art Publishers. 1974
Издательство „Аврора“

The album entitled *In the Land of the Reindeer* is devoted to the decorative and applied arts of the peoples who inhabit the taiga and tundra of Siberia and parts of the Soviet Union's European Far North: the Evenks (Tungus), Lamuts, Yukaghirs, Nentsy, Khants and Mansi, Nganasans, Dolgans, Yakuts, Koryaks, Chukchi and Eskimos. Reindeer pelts and chamois-leather articles decorated with coloured textile *appliqué* or with mosaic patterns made of fur, bead embroideries, sculptured bone or ivory miniatures, and articles of wood or birch-bark drew the attention of travellers and explorers over the past centuries. It is particularly gratifying, however, that these are no dead arts, no historical relics, but arts that live today and are admired by us in these closing decades of the twentieth century; arts mastered by scores of craftsmen of the Soviet Far North and practised on a wide range of materials; national, traditional arts that continue to thrive in the conditions of our times.

These decorative and applied arts created by the peoples of our Far North spring from the physical nature of the land – a sombre land, yet varied, and presenting a surprising wealth of colours ranging from the tender green of its swampy lowlands on through the deeper shades of its forests, the play of light and shadow on its hillsides, the azure of its skies and the blue of its rivers and lakes, the red and blue patches of wild berries, and the greenish-yellow-to-velvety-black palette of its moss-beds. Born to this colourful display of nature, the peoples of the Far North give it expression in their decorative arts.

The Far North of the Soviet Union stretches thousands of miles from East to West. Above the Arctic Circle the tundra is plunged for several months into the darkness of polar night relieved only by the occasional glow of northern lights.

The so-called white nights arrive with the spring, and then the sun lingers long over the rim of the horizon before resuming its course across the vault of heaven.

Farther south the tundra yields to the taiga that blankets the hilly landscape. This is a land of a thousand sparkling lakes and of mighty rivers whose majestic calm may remain unbroken by passing steamers for days on end. This is the land where, as in the fairy-tales, sky and earth meet, day joins night, and

the sun and bright moon "wander together in the heavens". Gold, oil, coal, diamonds and all kinds of ores lie beneath the surface; fish abound in the rivers and lakes, and fur and feather in the forests. Animal life here includes the blue and the white polar fox, silver fox, the common red fox, sable, ermine, otter, beaver, squirrel and hare. Among the bird species the black loon deserves special mention, out of whose beautifully patterned feathers the local inhabitants make a variety of small decorative articles.

When summer comes the taiga is carpeted with flowers seemingly eager to get what they can out of the all too brief period of warm sunshine, for the first snow of autumn may fall while they are still in bloom. Autumn is the season of berries; and raspberries, bilberries, blackberries, cloudberry, cowberries and cranberries ripen in profusion in the forest.

In the past, the local inhabitants used to travel over the great wastes of the North either on reindeer-back or in sledges pulled by reindeer or dog teams. Nowadays air-lines link the widely scattered towns and settlements, though for short distance travel the light sledge is still in use.

Reindeer are an integral part of the Far North, and their breeding is one of the basic occupations of the population. These handsome animals do not stand very tall. They have slender legs, look dainty, if not actually fragile, and gaze meekly and musingly out of their dark, wide-open eyes. Schoolboys are skilful at drawing flocks of these northern reindeer in their copy-books, and women like to depict them on birchbark baskets. Pictures and sculptures of deer in wood or bone deliberately emphasize their somewhat elongated bodies, large crescent-shaped hooves, and long, sweeping antlers that give the head a backward tilt. These palmate antlers are shed every spring, only to grow again. The new antlers are of a dark shade, with a downy surface, velvety to the touch, bursting with biological fluids; they harden gradually and attain a lighter shade.

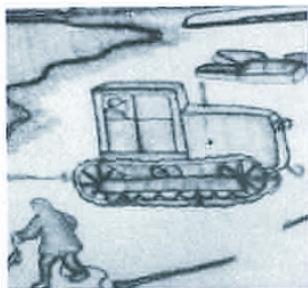
Reindeer skins go to make winter garments and are also used for sledge lining. In the past they served to cover the *chums* and *yurts* – the collapsible tentlike homes of the northern herdsmen. The craftswomen of the Arctic work the skins into a special kind of home-made chamois (*rovrduga*), which after treatment with alder bark and smoke acquires its distinctive reddish-brown colour.

Leg pelts come in small, narrow strips, gold, white or silver gray in colour. They are both beautiful and durable and therefore highly prized. They usually go to make up winter footwear, mittens and bags.

Native winter garments made out of reindeer skins are often genuine objects of art and come in as many varieties of patterns, colours and trimming techniques as there are peoples in the Soviet Far North. The inherent good taste and sense of beauty common to the native women are revealed first of all in the careful selection of pelts. Sewing a garment of an assortment of pelts, the needlewomen achieve striking combinations of texture and gradations or contrasts of colour. Gaily dappled pelts of the *yevrazhka* (a kind of gopher) are frequently used to offset otter, kolinsky or squirrel backs, adding a touch of beauty to the garment, while the collar and lower hem of a *shuba* are trimmed with white or silver fox or even with the thick fur of the Siberian husky.

Fur garments are often embellished with ivory, metal, chamois tassels or piping, and inserts or edging of red, blue or yellow woollen fabric. A particularly decorative effect is obtained by combining fur with bead embroidery, the beads being sewn in compact rows onto strips of fabric or leather set into the fur.

Local legend has it that in the olden days such multicoloured opaque beads were brought to Siberia from faraway India, where they were carved out of

sea-shells. The story rings true. The old beads came in all sorts of shapes, sizes and colours, and no two were alike in any given piece of embroidery. No wonder the craftswomen of the Far North value such beads so highly and are willing to transfer them so patiently from old garments to new.

The peoples of the northland use the ornamental qualities of beadwork in different ways. The Lamuts decorate their fur *parkas* with a profusion of strips of beadwork in which tones of light blue predominate. Upon these broad edgings of light blue beads the basic design flows in undulating lines, here and there forming circular figures. Beadwork running in concentric circles adorns the chamois bags, tobacco-pouches and needle-cases that go with the garments worn by the Lamuts.

Quite different is the embroidery favoured by the Dolgans who inhabit the Evenk and Taimyr Regions in the north of the Krasnoyarsk Region. Their women wear *parkas* trimmed with wide sewn-on edgings interspersed by inserts of fur mosaic and strips of coloured beads. Standing out conspicuously on such edgings are brightly coloured red and blue jagged ornamental stripes. They are supposed to represent northern lights according to the Dolgan needle-women, who often employ the striking technique of introducing here and there bits of red and blue worsted yarn to build the same "northern lights" design.

No less popular in the Far North is a unique form of decorative art which may be called fur mosaic and which consists in selecting bits of fur of contrasting colours, cutting these to a pattern and sewing them together to form a dark design on a light background or, conversely, a light one on a dark background. On the shoulders and on the lower hem of a Nennish *parka*, for example, a dark background may carry a design in white, composed of zigzagging markedly elongated shapes. It is safe to assume that here we have the same "northern lights" theme as on the bead or fur embroideries of the Dolgans.

Clever, intricate fur mosaic was used by the Koryaks in their old-time handiwork. The hem of their winter garments is decorated with nicely balanced patterns composed of minute rhythmically alternating triangles, squares and diamonds of pelt in two colours. The mosaic is sometimes supplemented with coloured silk satin-stitch embroideries.

Today, fur mosaic is used in the manufacture of the kind of pelt rugs that are common all over the Far North.

Fur rugs come in a great variety of shapes, depending on the material used as well as on the taste and imagination of the maker. In recent years round rugs of reindeer leg pelts have come into particular favour. These have a small-size circle of dark fur in the centre, 10–12 centimetres across, from which radiate light and dark rays. Such round rugs, edged with white leg pelts, were made in former times, when they were known by a name that was a form of endearment of the word "sun". The sun – a rare visitor in the Far North – has always been the object of wistful longing among the peoples of the land. The three or four months of polar night make them pine for the reappearance of the sun. Folk legends and fairy tales talk about the sun. According to one such tale, the Raven, an adopted brother of the Sun sometime in the past, refused to surrender to him the beautiful Daughter of the North whom he had brought from half-way round the world after facing many dangers. The Sun, hurt in his feelings, decided to quit the heavens and leave the tundra to eternal night. The Daughter of the North noticed that the Sun was no longer around, that the tundra folk were freezing and annoyed with the Raven who was powerless to bring the Sun back to the tundra. So she laughed at the Raven and went back to her father, the North. As for the Sun, he remains beyond the seas for longer

spells than before, sending only his coldest rays to the tundra. So runs the fairy-tale.

The sun was used as a theme for decorative purposes in other works of art besides leg pelt rugs, appearing, for instance, in the form of a silver disk on as old-time Yukaghirs chamois breast-collars.

There was a time when the Yukaghirs whose descendants now live in the valley of the river Yasachnaya, a tributary of the Kolyma, were a more numerous people. The fires of their camps used to light up the moonless skies during the polar night, and popular legend identified this effect with the northern lights. In time, the Yukaghirs merged with the Lamuts, which accounts for the similarity of the clothes and decorations worn by the two peoples, notably their breast-collars – strikingly dainty and meticulously crafted. The collar-hair embroidery of hems and ornamental inserts is combined with intertwining coloured *rovдуга* thongs often pulled through the background slashes, the edging being done with coloured textiles, beads or fur piping.

The glistening and resilient white hair of the reindeer is used by the crafts-women of the Far North to accentuate the basic colour scheme, particularly in articles made of chamois. It is used for the rather solid edging seam and for the still more solid onlay of broad strips with geometrical figures in white. This kind of trimming looks very elegant against the natural or tinted background of chamois, and the ornamental inserts and hem seem to be hand-drawn or printed, so faultless and exquisite is the work of the craftswomen.

The “cosmic” – sun, moon and stars – theme has been quite important in the decorative and ornamental arts of the Eskimos. The portrayal of the celestial bodies on decorative sealskin wall-rugs embroidered with reindeer hair and coloured silk is often symbolic. Reindeer-hair needlework on sealskin and chamois is particularly striking and decorative.

The “cosmic” theme is less popular as an ornament for the Chukchi wall-rugs with pockets to hold various household trinkets, which are very similar to those of the Eskimos. Chukchi craftswomen prefer multicoloured rosettes and sprigs with leaves and flower buds as a decorative motif for their *appliqués* of *rovдуга* or specially processed sealskin (*mandarka*): the short but very colourful summer season has been given an original figurative treatment in the Chukchi art of embroidery.

The coming of spring in the Far North is marked by celebrations associated with the end of the winter hunting and trapping season and with the migration of reindeer herds to summer pastures. Renowned reindeer breeders and winners of professional emulation are awarded prizes on the occasion of these celebrations; athletic events and concerts by amateur talent are arranged.

Entire families come to attend the celebration from distant villages, settlements and pastures, decked out in their finery, driving sledges painted red, blue, green and yellow and pulled by reindeer or dog teams in harness resplendent with beadwork, engraved bone plaques, red and blue tassels of wool, metal spangles, fur pompons, etc.

The main events are the traditional reindeer sledge races made colourful by the bead-trimmed holiday costumes, fur boots, belts overlaid with engraved silver plates and plaques sparkling in the spring sunshine.

The horse-breeding Yakuts hold their spring festival late in July, customarily in a field where a special ground is cleared, carved wooden tethering-posts are set up and leafing birch branches planted in the soil. After a ceremonial procession the participants perform the traditional round dance, and *koumiss* (mare's milk) is served all around.

In former times *koumiss* used to be drunk out of *chorons* – special wooden vessels shaped like large goblets and covered with a finely carved geometrical design. They were hollowed out from wood with the simplest of tools, impregnated with animal fat and set out to dry in the open air. This gave them a dark brown or reddish-brown colouring reminiscent of bronze. Other *koumiss* utensils formerly in use were wide bowls with carved brims, big spoons with carving on the handles, and cleverly designed funnels.

With glass, china and plastics gaining popularity, wooden *koumiss* ware is now going out of use. *Chorons*, however, are still made specially for the annual festivals, when they are set up as decorations on top of tethering-posts and the pillars that mark off the ceremonial ground. They are also sought after as souvenirs and are now worked on lathes, not by hand. Ancient *chorons* handed down as family relics are used in modern-type homes as *cache-pots* or decorative pieces.

In these Yakut spring festivals much attention is given to the trappings and harness of horses, which comprise the saddle with its engraved silver pommel, the saddle-cloth, the saddle-flaps and the saddle-bags.

The saddle-cloth is particularly interesting as an example of popular decorative art. Late nineteenth and early twentieth century broadcloth and velvet saddle-cloths are adorned with beadwork and stamped figured metal plaques. A traditional Yakut ornamental design resembling a single-string lyre, worked in beads and plaques, occupies the centre. This ornament is usually repeated on the two saddle-bags that go with the saddle-cloth. It may well have been suggested by the annual festival associated with the return of spring and re-appearance of the sun, with nature stirring to life once again. This design can be interpreted as the symbolical representation of a plant pushing up through the earth and bursting into bloom. In some cases the symmetrical spiral lyre-like curlicues branch off right and left to end in stylized equine heads.

No less colourful are the holiday winter garments worn by Yakut women, which include fur *shubas* trimmed with red broadcloth, ample beaver fur or bearskin embroidered headwear and such accessories as belts made up of silver plaques and beads, and breast ornaments.

The work of Yakut jewellers is famous throughout the Soviet Far North. Their principal product are silver or silver-plated, variously shaped spangles. Rectangular and round plates go to make plate belts that are an essential part of the Yakut national costume and that of the other northern peoples. Trapezium-shaped plates are used for adorning women's garments. A delicate floral design is engraved on the surface of the plates. Women's bracelets in the shape of wide hoops and trapezium-shaped ear pendants are very popular.

A unique contribution in the field of decorative art has been made by birchbark craftsmen. This art has been known in Yakutia for ages, as told, for instance, in the Yakut epic *Olonkho*: "So Ellei gathered some birchbark, set up some poles, fastened them together at the top, overlaid them with the bark embellished with patterns, denticles and slashes, thus building an *urasa*, a home to live in."

Many museums now possess birchbark panels used for building *urasas* – the Yakut summer *yurts* of long ago. Embellished with denticles and ornamentally arranged slashes, they are also embroidered with horse-hair and beads, and hung with bead-necklaces and metal plates. The gold glitter of its cone, seen against a background of verdure, made a newly-built *urasa* standing on the bank of a stream a vision of breathtaking beauty.

Household utensils of birchbark, such as pails, boxes and baskets, are stiffened with willow withes and twined with horsehair cord. Coloured foil

showing through figured slashes, and strings of beads make such articles exceptionally gay.

Bone and ivory carving, a form of decorative art widely spread throughout the Far North, has currently reached a new high-water mark. Bone is used primarily in the production of household articles, such as various items of reindeer harness, slit-blinders, and bridle and saddle pendants decorated with geometrical designs.

Mammoth tusks are still found in the northern areas of Yakutia. The close-grained yellowish ivory of the extinct giant mammals is a precious material, easy to work and attaining a beautiful soft lustre when polished. The carving of decorative articles, including miniature statuary, in mammoth ivory has become a traditional form of Yakut art. The Yakutian bone-carvers (T. Ammosov, S. Pesterev, S. Petrov, D. Ilyin and others) specialize in sculpturing scenes from everyday life, miniatures dealing with animal subjects, and make various household articles combining carving with incrustation. Their works often depict historical events or scenes from the annual spring festivals; very popular are figures of reindeer, scenes of wolf and bear hunts, etc. Typical of their art is a dagger with a sheath carved in ivory, both usually decorated with a delicate floral design or genre subjects, such as hunting scenes or figures of reindeer carved in low relief.

In Uelen, a settlement on the Chukchi Peninsula coast, a workshop was set up back in 1931 that has since become one of the centres of the Soviet art of ivory carving and brought world-wide fame to its remarkable craftsmen.

Here, on Chukchi Peninsula, archaeologists have found a large number of bone and ivory carvings, including miniature decorative sculptures depicting animals native to the region. In the distant past the local folk believed these objects to be amulets keeping away evil spirits and helping in the struggle against the hostile forces of nature. The Chukchi carvers work with walrus tusk, a handsome, close-grained ivory that acquires a cool-to-the-touch look after polishing. They are renowned for their decorative table sculptures presenting genre and hunting scenes, animals, and characters from fairy-tale and song.

Coloured engraving on walrus tusk is another form of art practised in Chukotka. The tinted engravings of Chukchi and Eskimo craftsmen deal with the familiar scenes of everyday life. While the subjects, such as walruses and seals, ice-cakes, surfaced whales, people in national costume, are executed with precision, the composition as a whole produces a decorative effect.

The scenes depicted on walrus tusks tell about the past and present of the Chukchi people, the changes in their everyday life that have come since the October Revolution: they show the log houses of the new Uelen; the radio and TV antennas; a plane just in from the district capital, and so on.

The well-known engravings of Vukvol, a gifted Uelen carver who lost his life in the Great Patriotic war, such as *The Cheliuskin Epic* or *The Chukchi Legend about Lenin*, are rated very high.

The works of Vukvutagin, Khukhutan, Tukai, Emkul, Seigutegin, Yanku, Killoi, Tynatval, Tatro, Pechetegina, to name a few, are known at home and abroad.

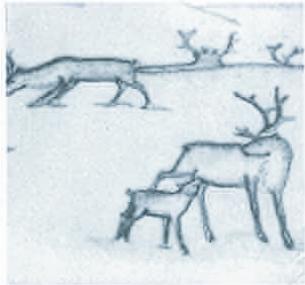
Chukchi engraved and carved articles have been exhibited at world fairs in New York, Paris, London, Montreal and Osaka.

As the socialist way of life, the new economy and culture develop, the national decorative arts follow suit. Those who work in the field of decorative art – needlewomen, engravers, carvers, etc. – are accorded respect and attention to their needs. They are members of special unions associated with the

so-called Houses of Popular Art and benefit from the co-operation of the cultural sections of local Soviets of Workers' Deputies. Many enjoy membership in the Union of Soviet Artists. New art exhibitions and the awarding of prizes for the best work of national art attract wide attention.

The number of workshops producing works of the decorative and applied arts keeps increasing. Their output includes fur boots embroidered with beads and trimmed with fur mosaic; fur rugs; women's costume jewellery of ivory, fur and metal; and dolls in national costumes. In Naryan Mar, Magadan, Tur, Yakutsk and other towns and settlements where such workshops exist, every craftsman interprets the artistic traditions of his people in his own way. If grown-ups prefer modern city clothes, children, on the contrary, continue wearing, as before, gaily coloured fur *shubas* with hoods trimmed with beads, coloured tassels and bright *appliqués*. Occasionally one sees a youngster from some faraway northern settlement sporting a fancy cap-and-hood affair supplied with ears, horns, and pendants made of tiny reindeer hooves.

Wide popularity has been won by the work of the late N. Kasatkina, who used to head the national art shop at Krasnoyarsk. She helped organize the manufacture of round rugs of reindeer skins and leg pelts. The work of the young craftswomen is no mere imitation or copying: the traditional themes and subjects – "reindeer tracks", "reindeer horns", "hooves", "northern lights", the image of the life-giving sun – achieve a new being, so to speak, come to life again in articles designed with an eye to modern city settings.

E. Ammosova, a Yakut artist, developed her talent in a *milieu* of gifted hereditary craftsmen. She is a skilful furrier, interested primarily in making fur garments and the fur boots, mittens, headwear, bags and costume jewellery that go with winter wear. Most of her work has a markedly national flavour.

There is a special centre for systematic study of folk art which helps the craftsmen of the Far North in their work: this is the Art Industries Research Institute in Moscow.

Today, the Soviet Far North is more than just a stern land of polar night and polar day, elk roaming the forests, or a hunter face to face with a bear: more than anything else it is a land of transmission lines running across swamps and snows and mountain ranges; of jet planes and power-stations; of surveying teams and oil-derricks; of numerous new towns and settlements; of electric lights, club-houses, cinemas and boarding-schools. More than anything else, also, it is a land where the Evenks and Dolgans and Chukchi and Yakuts and others – men and women – carry on as doctors, teachers, flyers, writers, painters, scholars and scientists.

Yet should you question any one of them – be he university professor or reindeer herdsman – about the national decorative art of his, or her, homeland, you will hear a thrilling account about an ancient art that is alive and looking forward to the future, or perhaps you will be shown a decorative sculpture in ivory or a piece of embroidery or an engraved metal bracelet – the handiwork of your chance acquaintance; and all because, as we said earlier, the living national tradition goes on developing in the propitious conditions of today, bringing into play more and more fresh, original talents.

Альбом „Тропою северных оленей“ посвящен декоративно-прикладному искусству народов, населяющих таежные и тундровые земли Сибири и частично Крайнего Севера европейской части Советского Союза. В их числе эвенки, эвены-ламуты, энцы, юкагиры, ненцы, ханты и манси, ноганасаны, долганы, якуты, коряки, чукчи, эскимосы. Изделия из оленьего меха и замши с аппликацией из цветных тканей, с меховой мозаикой, шитье бисером, скульптурные миниатюры из кости, предметы из дерева и бересты еще в прошлые века привлекали внимание землепроходцев, путешественников и ученых. Эти работы восхищают и нас, людей второй половины XX столетия. Ценно, что мы имеем здесь дело не с прошлым, не с достоянием истории, а с живым искусством сегодняшнего дня. Десятки мастеров советского Крайнего Севера – наши современники – прекрасно владеют приемами обработки и художественного оформления различных материалов. Народная традиция живет и крепнет, продолжая развиваться в современных условиях.

Декоративно-прикладное искусство, созданное народами Крайнего Севера, неотделимо от природы края, которая сурова, но разнообразна. Особенно поражает богатство красок: яркая нежная зелень болотистых низин, темные массивы лесов, переливчатая игра света и теней на горных склонах, голубизна неба, синева рек, красная и синяя россыпь ягод, мхи – от зеленовато-желтоватого до бархатно-черного. Колористическое богатство природы воплотилось в произведениях народного декоративного искусства.

Территория Крайнего Севера Советской страны простирается на тысячи километров. Приморские районы и тундра несколько месяцев в году погружены в темноту полярной ночи, лишь временами вспыхивают красочные сполохи северного сияния.

С весной приходят белые ночи... Солнце подолгу стоит над горизонтом и затем снова пускается в свой дневной путь.

Южнее начинается тайга, которая, как бескрайнее зеленое руно, покрывает сопки. Здесь текут полноводные реки, их величавый покой иногда по несколько суток не нарушают ни рыбачьи лодки, ни суда; искрятся на солнце тысячи озер.

Именно в этом краю, точно в сказке, „небо сходится с землей“, день соединяется с ночью, солнце и ясный месяц вместе „гуляют по небу“; золотом, нефтью, углем, алмазами, рудой богаты недра, рыбой – реки и озера, птицей и зверьем – таежные леса. Разнообразие животного мира здесь удивительно: белый и голубой песец, рыжая и чернобурая лиса, соболь и горностай, выдра и бобр, белка и заяц. Среди птиц примечательна черная гагара. Немало мелких декоративных изделий северяне изготавливают из ее красивейших по рисунку перьев. Иногда встречается редкая по красоте оперения розовая чайка.

Летом в северной тайге расцветает множество цветов. Они будто спешат захватить короткий период теплых солнечных дней. Бывает (особенно вблизи полярных морей), что цветы не успевают отцвести, как уже вновь падает снег. Осеню в лесах и на полянах россыпи ягод – малина, черника, ежевика, морошка, брусника, клюква.

В старину огромные безлюдные пространства Севера преодолевались местными жителями верхом на олене, на оленьих или собачьих упряжках; теперь воздушные трассы связывают отдаленные города и поселки. Однако для поездки на небольшие расстояния по-прежнему служат легкие нарты, запряженные оленями или собаками.

Нельзя представить Крайний Север без оленей. Оленеводство – одно из основных занятий местного населения. Оленчик, как ласково называют красивых животных оленеводы-эвенки, невысок, с тонкими ногами, выглядит изящным, даже кажется хрупким; большие темные глаза смотрят кротко и задумчиво. Стада северных оленей виртуозно рисуют школьники – чукчи, коряки, долганы, ненцы – в ученических тетрадках, изображения оленей встречаются и на берестяных туесках. В рисунках, резной скульптуре из дерева и кости северные мастера подчеркивают несколько удлиненное туловище животного, широкие раздвоенные копыта, рога, оттягивающие назад голову. Ежегодно олень теряет свои ветвистые рога, и они вновь отрастают. Вначале рога темные, бархатистые, покрытые нежным пушком, налитые живым соком; постепенно они твердеют, делаются светлее. И вот уже один рог отпал. Бегает оленчик по тропам, пока и второй рог не отпадет ...

На Крайнем Севере исстари шьют верхнюю зимнюю одежду из оленьих шкур, их также стелют и на нарты; в недавнем прошлом зимой оленьими шкурами покрывались переносные сборные жилища таежных охотников – юрты и чумы. Мастерицы Заполярья искусно выделяют из оленьих шкур замшу-ровдугу, подкрашивают ее ольховой корой, придают ей благородный красновато-коричневый тон.

Особо ценятся оленьи камусы – шкурки с ног оленя. Узкие небольшие полоски золотистого, серебристо-серого или белого цвета действительно очень красивы и прочны. Из них обычно шьют зимнюю обувь, рукавицы и сумки, которые отличаются богатством отделки.

Сшитая из оленьих шкур зимняя меховая одежда северянина нередко является подлинным произведением декоративного искусства.

Сколько народов на Крайнем Севере – столько разновидностей кроя, колорита, приемов отделки. Природный вкус, чувство прекрасного женщины-северянки прежде всего выражают в искусном подборе меха. Сшивая шкурки различных животных, они добиваются удачных сочетаний фактуры, мягкости или контрастности цветовых переходов. Рядом с беличьей спинкой, мехом выдры или колонка иногда можно увидеть и пеструю шкурку евражки – полевого зверька; ее выбрала мастерица

исключительно ради цветового эффекта, ради впечатления целостности и красоты композиции. Для отделки ворота или нижнего края зимней одежды, кроме белого песца или серебристой лисы, используется густой мех сибирской лайки.

Меховые вещи бывают украшены костью, металлом, ровдужными кистями и кантами, вставками и каймой из красного, синего и желтого сукна. Особенно декоративно в сочетании с мехом шитье бисером. Бисер приходится закреплять плотными, без просветов, рядами на полосках кожи или ткани, которые затем вшивают в мех.

По народному преданию, разноцветный непрозрачный бисер в старину доставлялся в Сибирь из далекой Индии, где бисеринки вытачивались из океанских раковин. И это похоже на правду. Старинный бисер необычайно разнообразен по форме, размерам и оттенкам; в одном ряду вышивки не найти двух одинаковых бисеринок. Не случайно мастерицы чрезвычайно ценят этот бисер и терпеливо переносят его со старых изделий на новые.

Северные народы по-разному использовали эффект шитья бисером. Эвены-ламуты щедро расшивали золотистые меховые шубы-парки полосами бисера, в которых преобладал светлый голубой тон. На одежде эвенов в широких голубых бисерных оторочках основная лента узора движется мягко, волнообразно, иногда образуя замкнутые круговые фигуры. Бисер, нашитый концентрическими кругами, покрывает дополняющие эвенский костюм замшевые сумочки, украшает кисеты, игольницы.

Совсем иная отделка у долган, живущих на севере Красноярского края в Эвенкийском и Таймырском национальных округах. Широкая пришивная кайма женской долганской шубы-парки перемежается вставками меховой мозаики, полосами цветного бисера. Издали на этой кайме читается яркая (красная с синим) зубчатая лента с острыми углами орнамента, направленными в разные стороны. Как говорят сами долганские вышивальщицы, – это изображение северного сияния. Нередко мастерицы обращаются к оригинальной технике вшивания в мех отдельных красных и синих шерстинок, образующих тот же узор „северного сияния“.

Наряду с шитьем бисером, на Крайнем Севере распространено удивительное искусство – меховая мозаика. Это композиции из кусков меха, контрастных по цвету, вырезанных по шаблону и сшитых вместе таким образом, что получается единая поверхность с орнаментом – темным на светлом и светлым на темном фоне. Например, на плечах и нижнем крае верхней зимней одежды ненцев по темному фону вырисовываются белые зигзагообразные фигуры, сильно вытянутые по вертикали, с тонкими линиями и утолщениями в углах. Несомненно, перед нами тот же образ северного сияния, что и на долганской вышивке бисером или шерстью.

Искусной и сложной меховой мозаикой украшались старинные изделия коряков. Кайма на корякской верхней зимней одежде состоит из стройных орнаментальных композиций, где ритмично чередуются крохотные треугольники, квадраты, ромбы из меха двух цветов. Иногда мозаика дополнена вышивкой: гладьевый настил цветным шелком.

Искусство меховой мозаики в наши дни применяется при изготовлении меховых ковров, распространенных на Крайнем Севере.

Форма этих изделий очень разнообразна. Она зависит от материала, изобретательности и вкуса мастерицы. В последние годы широкое распространение получили круглые ковры из оленевого камуса. В центр часто помещают небольшой (10–12 см в диаметре) кружок темного меха, от которого расходятся светлые и темные „лучи“; ковер оторочен белым

камусом. Круглые ковры делались и в старину, их называли „солнышком“. Образ солнца – редкого гостя в тех краях – издавна дорог северным мастерам. Полярная ночь, которая длится три-четыре месяца, заставляет жителей Заполярья с нетерпением ожидать появления солнца. В народе о солнце складывались легенды, сказки. Герой одной из таких сказок, Ворон, в прошлом побратим Солнца, не захотел уступить брату красавицу, дочь Севера, за которой он ездил за тридевять земель, преодолевая опасности. Обидевшись, Солнце решило покинуть небо и предоставить тундру вечной ночи. „Увидела дочь Севера, что нет близко Солнца, что жители тундры мерзнут и недовольны Вороном, а он бессилен вернуть Солнце тундре. Посмеялась она над Вороном и ушла к своему отцу Северу. А Солнце с тех пор больше живет за морем и в тундру посыпает только самые холодные лучи“, – говорится в сказке.

Но не только камусные коврики в декоративной форме воссоздают образ солнца. Круглый серебряный диск – „грудное солнце“ – нередко украшал старинные ровдужные нагрудники юкагиров.

Когда-то юкагиры, потомки которых сейчас живут на реке Ясачной, притоке Колымы, были более многочисленным народом. Множество огней от их кочевых освещало безлунное небо в полярную ночь; по народному преданию, это и было северное сияние. Со временем юкагиры слились с эвенами. Поэтому юкагирские и эвенские одежда и украшения очень похожи, в частности нагрудники, поражающие тонкостью, изяществом и подлинно ювелирным мастерством исполнения. В кайме и орнаментальных вставках шитье оленым подшайным волосом сочетается с переплетающимися цветными ровдужными ремешками, иногда продернутыми через прорези фона; окантовка выполнена цветной тканью, бисером, меховыми выпушками.

Блестящий и упругий белый олений подшайный волос применяется мастерницами-северянками для того, чтобы усилить основную цветовую гамму, в особенности на изделиях из ровдуги. Олений волос идет на довольно плотный окаймляющий шов, на еще более плотный настил из широких полос белых геометрических фигур.

Такая отделка выглядит очень красиво на естественном или подкрашенном фоне ровдуги, орнаментальные вставки и кайма кажутся вычерченными или отпечатанными – настолько безукоризненна и тонка работа мастерниц-северянок.

„Космическая“ тематика – солнце, луна, звезды – занимала большое место и в декоративно-орнаментальном искусстве эскимосов. На настенных декоративных ковриках из шкуры нерпы, расшитых оленым волосом и цветным шелком, часто встречаются условные изображения небесных светил. Эффектно и декоративно шитье оленым волосом на нерпичьей шкуре и на замше-ровдуге.

Реже украшены „космическим“ орнаментом близкие к эскимосским чукотские настенные коврики с карманами для хранения мелких хозяйственных предметов. Аппликационные нашивки из ровдуги или особо выделанной кожи нерпы – мандарки – чукотские мастерицы чаще делают в виде многоцветных розеток, побегов с листьями и бутонами: непродолжительный, но очень яркий летний период получил в чукотской народной вышивке убедительное образное истолкование.

В начале весны на Крайнем Севере отмечают национальные праздники, связанные с окончанием зимнего охотничьего сезона, с перегоном оленей

на летние пастбища. На торжествах вручаются награды знатным оленеводам, победителям соревнования, проводятся спортивные состязания, участники художественной самодеятельности выступают с концертами.

Из дальних сел, поселков, оленеводческих бригад на праздник приезжают целыми семьями в нарядной одежде, на собачьих или оленьих упряжках. В красный, синий, зеленый и желтый цвета расписаны нарты. Упряжь расшита бисером, декорирована костяными гравированными пластинами, красными и синими шерстяными кисточками, металлическими бляхами, меховыми помпонами.

Центром праздника являются традиционные оленьи бега – гонки на оленьих упряжках. Красочности этого зрелища в значительной степени способствуют расшитые бисером парадные костюмы, унты, пояса с наложными гравированными серебряными бляхами и пластинами, сверкающие на весеннем солнце.

У скотоводов-якутов национальный весенний праздник Ысыах бывает в конце июля.

Ысыах обычно проводится в поле, где сооружается специальная площадка: ставятся деревянные резные столбы – коновязи – сэргё, в землю втыкаются ветки только что распустившихся березок. Участники праздника исполняют хороводный танец йохор, пьют кумыс.

В прошлом для кумыса существовала специальная посуда. Замечательны чороны – деревянные сосуды в виде огромных бокалов, покрытые тонкой геометрической резьбой. Чороны выдалбливались из куска дерева с помощью простейших инструментов. Их пропитывали животным жиром, сушили на открытом воздухе, благодаря чему они приобретали темно-коричневый или красновато-коричневый цвет. Чороны напоминают изделия из бронзы.

Употреблялась и другая кумысная посуда: широкие чаши с резными бортами, большие ложки с резными черенками, оригинальной формы воронки.

Теперь деревянная кумысная посуда выходит из употребления, заменяется стеклянной, фарфоровой, пластмассовой. Однако чороны вырезают специально к празднику и ставят в качестве украшения на сэргё или на столбы, ограждающие площадку, где проводится Ысыах. Большой популярностью пользуются деревянные чороны-сувениры, изготовление которых ведется теперь не вручную, а на токарных станках. Старинные чороны, передаваемые из поколения в поколение, в современном жилище городского типа используются как кашпо или декоративные предметы, украшающие интерьер.

В праздничной церемонии Ысыаха много внимания уделяется убранству коня, в которое входят седло (серебряная передняя лука украшена гравировкой), чепрак, кычымы.

По всему Крайнему Северу нашей страны славятся работы якутских ювелиров. Основу этих ювелирных изделий составляют серебряные (или посеребренные) пластины различной формы. Из прямоугольных и круглых пластин делают наборные пояса, которые являются частью национального костюма и других северян, например долган. Трапециевидные пластины используются при изготовлении женских нагрудных и поясных украшений, серег. Поверхность пластин покрывается тонким гравированным растительным орнаментом.

Как произведение народного декоративного искусства интересен праздничный конский чепрак. Выполненные в конце XIX – начале XX века

чепраки из сукна и бархата расшиты бисером и штампованными фигурными металлическими бляшками. В центре чепрака из бляшек и бисера выкладывается традиционная фигура якутского орнамента, напоминающая однострунную лиру. Тем же рисунком украшены и два дополняющих чепрака кычыма. Несомненно, это – символика, связанная с весенним праздником Ысыах, с представлениями о весне, солнце, оживющей природе. Лицоидная форма, возможно, является символическим образом пробивающегося из земли растения. Иногда расходящиеся вправо и влево симметричные спиралевидные побеги заканчиваются условным изображением конских голов.

Большой декоративностью отличается и парадная зимняя одежда женщины-якутки: меховая шуба, отделанная красным сукном, серебряный наборный пояс, нагрудные и поясные украшения, глубокая шапка из бобрового и медвежьего меха с вышивкой – „дъабака“.

Сказали свое слово и мастера изделий из бересты. Этот вид народного декоративного искусства известен в Якутии давно. Вот как об этом рассказывается в якутском эпосе „Олонхо“: „Набрал Эллей березовой коры, поставил палки, связал их вверху, обшил корой, украшенной узорами, зубчиками, вырезками, образовалась ураса, жилой дом“.

Полотница для покрытия урасы – старинного якутского летнего жилища – в настоящее время хранятся во многих музеях. Помимо украшений в виде зубчиков и орнаментально скомпонованных прорезей, они расшиты конским волосом, бисером, увешаны бусами, металлическими пластинками. Сказочно красиво выглядела новая ураса: сверкающий золотистый конус на фоне зелени поднимался где-нибудь на берегу реки, гармонируя с окружающей природой.

Бытовые берестяные изделия – ведерки, коробки, туеса – скрепляют обручами из прутьев тальника и оплетают шнурями из конского волоса. Цветная фольга в фигурных прорезях, подвески из металла и бус делают эти предметы удивительно нарядными.

Нового расцвета в советское время достигла широко распространенная на Крайнем Севере резьба по кости. Прежде всего из кости изготавливаются хозяйственные предметы – детали оленевой упряжки, околоценные пластины с резьбой, всевозможные уздечные и седельные подвески с геометрическим орнаментом.

На севере Якутии в слоях вечной мерзлоты до сих пор находят бивни мамонтов. Желтоватая плотная кость давно вымерших гигантов является драгоценным материалом, который хорошо поддается обработке и полировка.

Изготовление из мамонтовой кости декоративных предметов, в том числе мелкой скульптуры, стало в Якутии традиционной отраслью народного творчества. Косторезы Якутии народный художник РСФСР Т. В. Аммосов, заслуженный деятель искусств Якутской АССР С. Н. Пестерев, С. Н. Петров, Д. И. Ильин и другие создают жанровые группы, анималистическую скульптуру, декоративные бытовые предметы с резьбой и инкрустацией. Якутские косторезы посвящают свои произведения историческим событиям, воспроизводят сцены праздника Ысыах, изображают северных оленей, олены упряжки, сцены охоты на волков и медведей. Типичное изделие якутских резчиков – нож наподобие кинжала или кортика с рукоятью и ножнами из мамонтовой кости. Ножны и рукоятка обычно покрываются тонким растительным орнаментом, сюжетными изображениями (сцены охоты, фигурки оленей), выполненными в плоском рельефе.

Мировую славу снискали замечательные косторезы Чукотки из поселка Уэлен, где в 1931 году создана мастерская, ставшая одним из центров советского косторезного искусства.

На Чукотском полуострове археологи нашли немало косторезных изделий, в том числе и декоративную скульптуру – изображения животных, которые водятся в этих краях. Эти мелкие фигурки играли в прошлом роль оберегов и применялись местными жителями как амулеты, которые якобы охраняли от злых духов и помогали бороться с враждебными силами природы. Для чукотских косторезов материалом служат клыки моржей; после полировки плотная красивая кость приобретает холодноватый оттенок.

Чукотские косторезы – прославленные мастера настольной декоративной скульптуры. В их работах воспроизводятся бытовые и охотничьи сцены, образы народных сказок и песен, изображаются животные.

Наряду с мелкой пластикой, на Чукотке распространена цветная гравировка на моржовых клыках. Подцвеченные гравированные изображения работы художников чукчей и сибирских эскимосов посвящены важным событиям, имеющим общественное значение, и тому, что окружает и волнует мастера. Несмотря на точность передачи, морские волны, льдины, плавающие киты, фигурки людей в национальных одеждах трактуются декоративно и орнаментально.

По рисункам на моржовых клыках можно составить представление о прошлом и настоящем чукчей, об изменениях в их жизни и быте за годы Советской власти: рубленые дома нового Уэлена, радио и телевизионные антенны, самолет, прилетевший из областного центра.

Высоко оценены известные гравюры на моржовых клыках „Челюскинская эпопея“, „Чукотская легенда о Ленине“ работы талантливого уэленского костореза Вуквола, погибшего во время Великой Отечественной войны.

Далеко за пределами Чукотки знают произведения заслуженных художников РСФСР Вуквутагина, награжденного орденом Ленина, Хухутана, Туккая, В. Эмкуль, И. Сейгутэгина, а также мастеров Е. Янку, Н. Килилоя, Г. Тынатваль, Г. Татро, Т. Печетегиной и других. Работы чукотских граверов и резчиков по кости экспонировались на всемирных и международных выставках в Париже, Нью-Йорке, Брюсселе, Монреале, Осаке.

Вместе со становлением социалистических форм жизни, хозяйства и культуры продолжает развиваться народное декоративное искусство. Мастера художественной обработки меха, вышивальщицы, резчики, косторезы окружены вниманием и уважением. Для них созданы специальные объединения при Домах народного творчества; с ними постоянно работают отделы культуры местных Советов депутатов трудящихся; многие мастера советского Севера являются членами Союза советских художников. Всеобщий интерес вызывают конкурсы на лучшее национальное художественное изделие, выставки новых произведений.

С годами увеличивается число предприятий народных художественных промыслов, выпускающих изделия национального декоративно-прикладного искусства: унты, расшитые бисером и отделанные мозаикой из меха, меховые ковры, женские украшения из кости, меха и металла, куклы в национальных одеждах. В Нарьян-Маре, Магадане, Турсе, Якутске и других городах и поселках созданы такие предприятия, где каждый мастер по-своему использует художественные традиции своего народа. Если взро-

слые предпочитают одеваться по журнальным моделям, то дети по-прежнему носят красочные меховые шубки с капюшонами, отделанные бисером, цветными кисточками, яркой аппликацией. Нередко на мальчика из далекого северного поселка можно увидеть оригинальную шапочку-капор с ушками, рожками, с подвесками из оленевых копытцев.

Широкую известность получили работы Н. В. Касаткиной, в течение ряда лет возглавлявшей мастерскую национальных художественных изделий в Красноярске. Под ее руководством было организовано изготовление круглых ковриков из оленевого меха и камуса. Работы молодых мастеров не были простым подражанием, копированием. Традиционные „оленни следы“, „оленни рожки“, „копытца“, „северное сияние“, образ животворящего солнца в произведениях обретали новую жизнь, „оживали“ в предметах, предназначенных для современного городского быта.

В среде талантливых потомственных народных умельцев формировалось творчество художницы-якутки Е. Е. Аммосовой. Она искусный мастер художественных изделий из меха. В основном это одежда и дополнительные зимний наряд унты, рукавицы, шапки, сумки, украшения. Большинство работ отличается ярко выраженным национальным колоритом.

Научно-исследовательский институт художественной промышленности в Москве – специальный научный центр, который собирает и изучает произведения народного творчества, – занимается также и проблемами искусства народов Крайнего Севера.

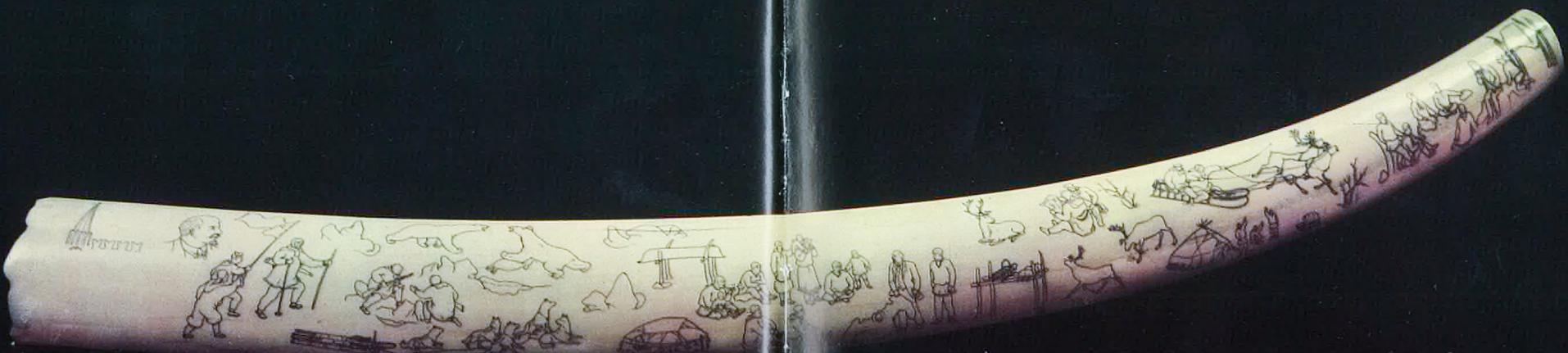
Сегодняшний Крайний Север Советской страны – это не только суровая природа, полярный день, полярная ночь, лоси в тайге или встреча охотника с медведем. Это также линии электропередач, проложенные через топи, снега и горные хребты; это ледоколы, самолеты и плотины электростанций; это геологические партии и нефтяные вышки, новые города и поселки, электрический свет, клубы, кинотеатры, школы-интернаты. И это новые люди: врачи, учителя, летчики, писатели, художники и ученые – эвенки, долганы, чукчи, якуты.

Но если спросить любого из них – от университетского профессора до пастуха-оленевода – о национальном декоративном искусстве его края, услышишь увлекательный рассказ о древнем и вечно юном народном мастерстве, а то и увидишь выполненные собеседником декоративную скульптуру из кости, вышивку или гравировку на металлическом браслете. И все это потому, что, как говорилось выше, живая народная традиция продолжает развиваться в благоприятных современных условиях, привлекая все новых талантливых самобытных мастеров.

PLATES
ИЛЛЮСТРАЦИИ

G. Tatro. *Reindeer Team*. 1969
Г. Татро. „Оленья упряжка“

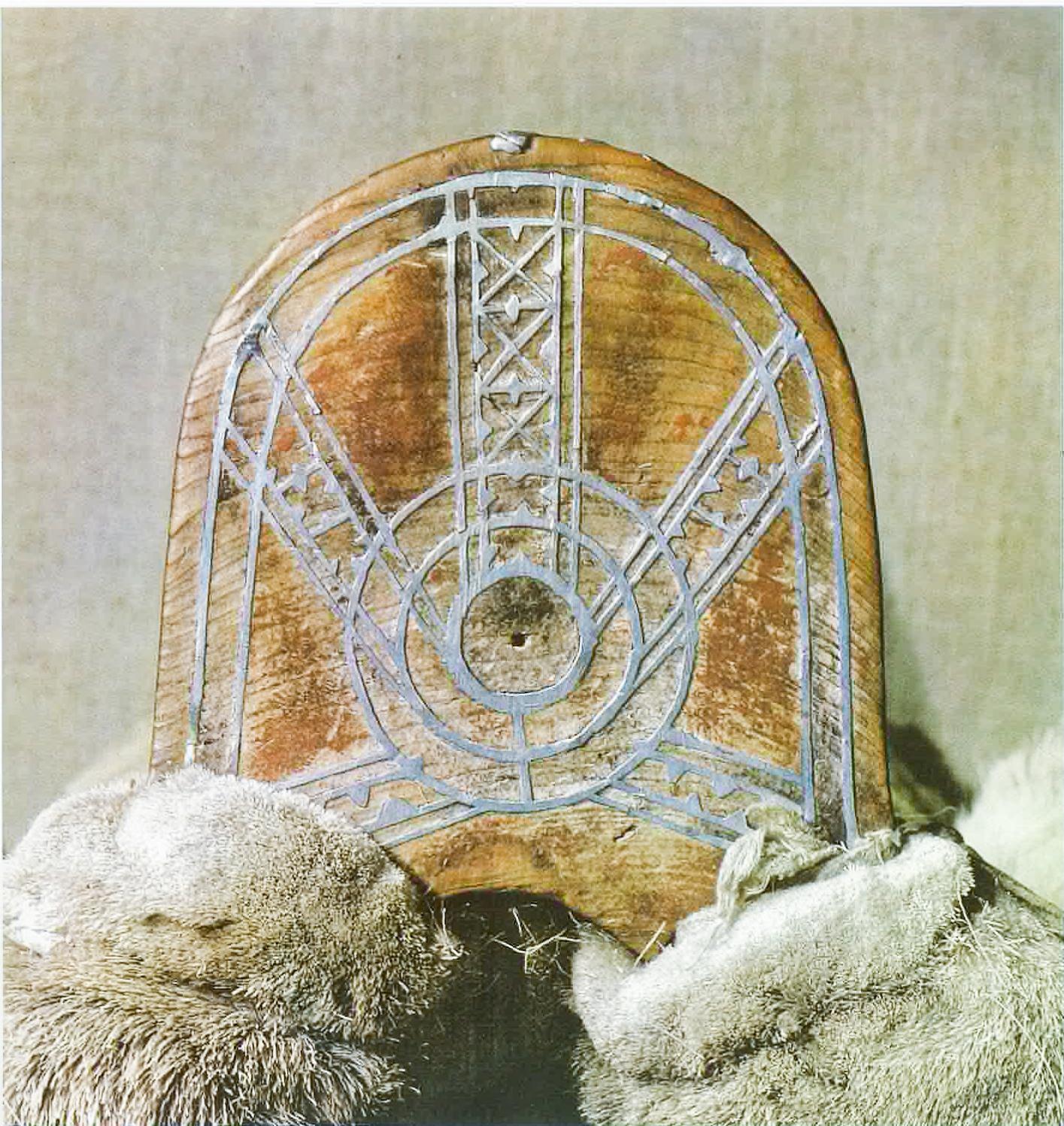

Vukvol. *Chukchi Legend about Lenin.*
1937–38
Вуквол. „Чукотская легенда о Ленине“

Dolgan reindeer harness: detail.
Early 20th century

Долганская праздничная оленя упряжь.
Деталь

Dolgan woman's reindeer saddle:
detail. 1900s

Долганское женское верховое седло.
Деталь

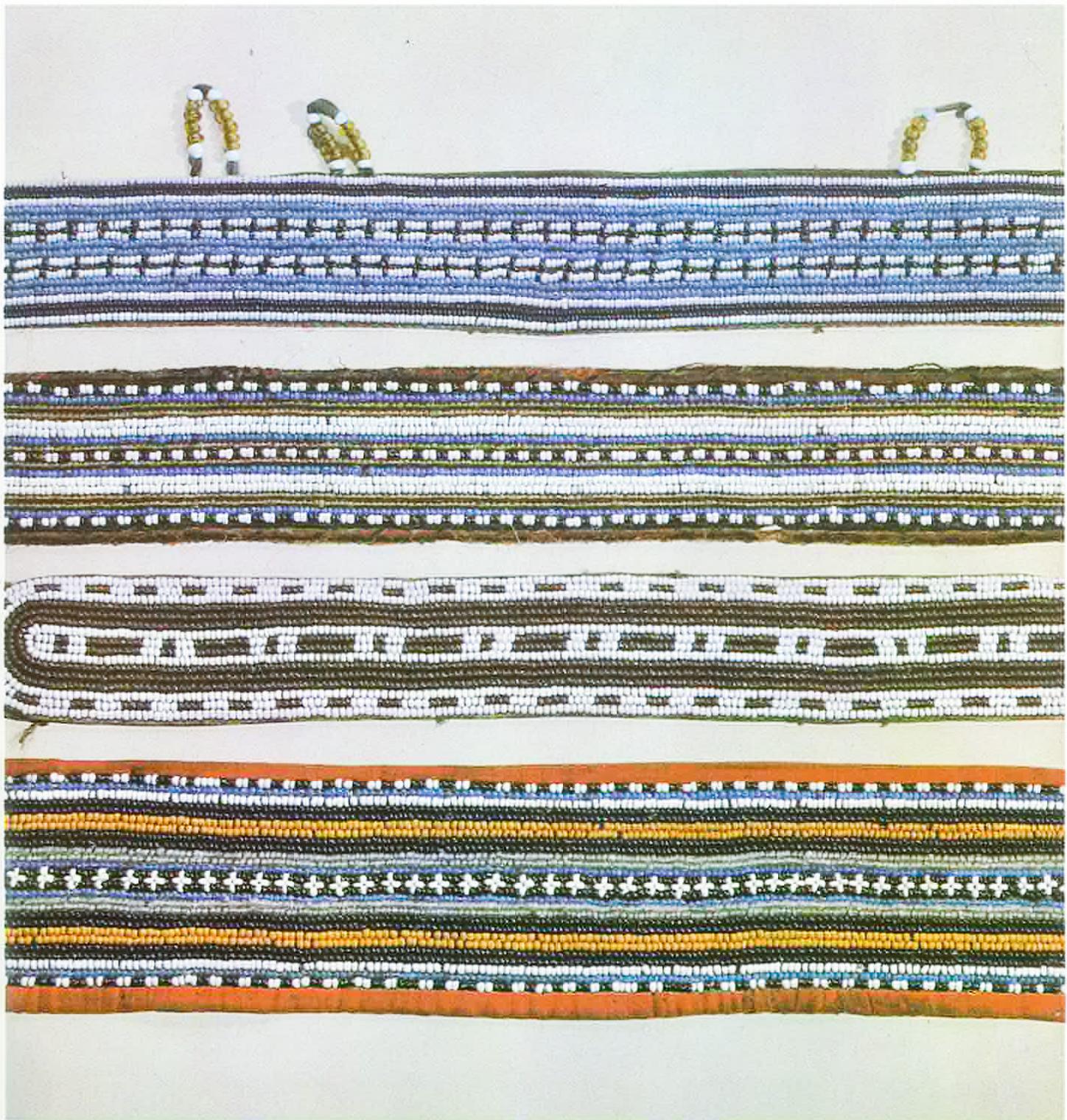
Evenk bag. 1930s
Эвенкийская сумка

Yukaghir woman's garment. 1890s
Юкагирская женская одежда

Evenk man's apron. Early 20th century
Эвенкийский мужской нагрудник

Evenk belts: details. 1930s
Эвенкийские пояса. Фрагменты

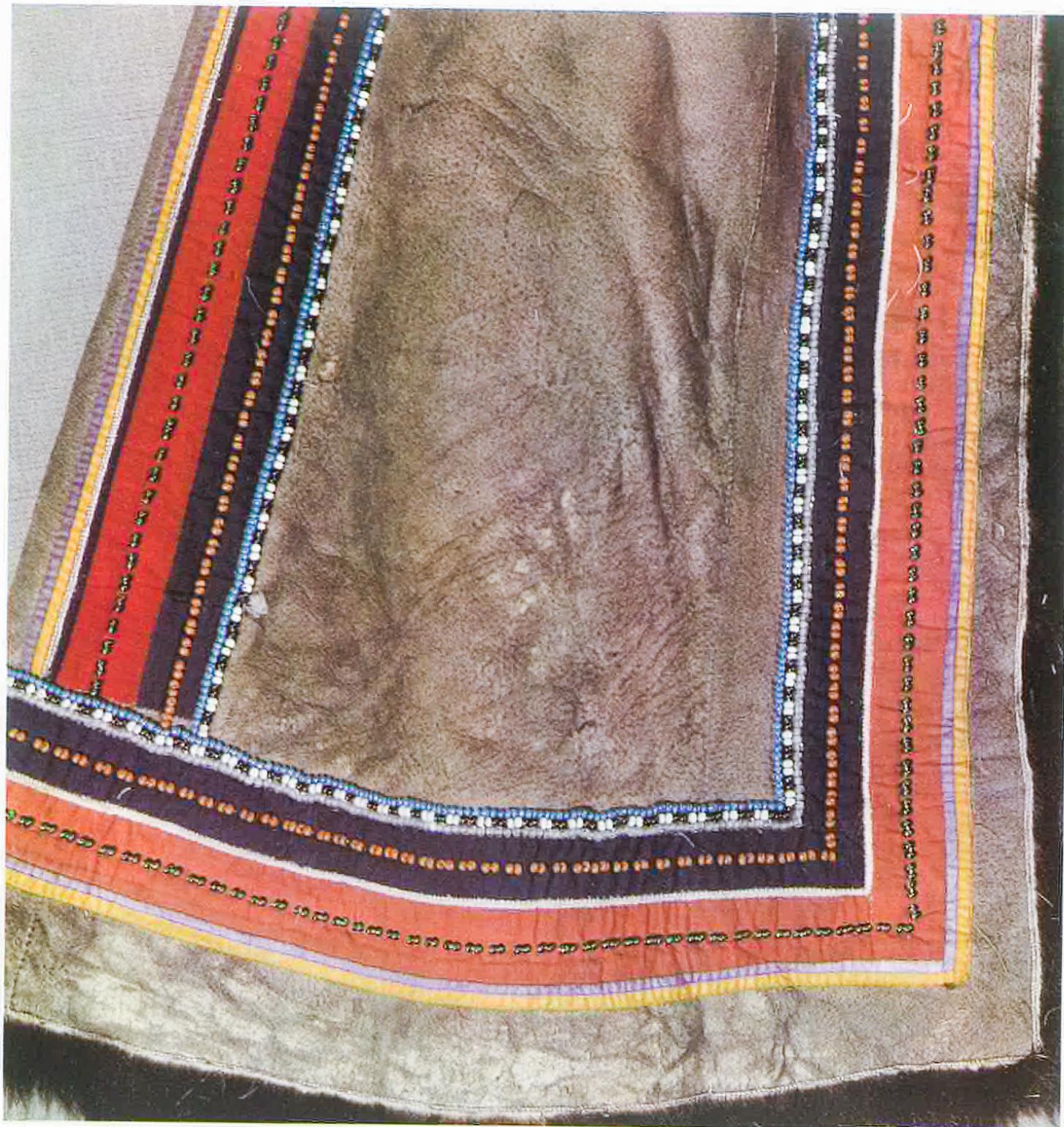

Evenk garment.
Early 20th century
Эвенкийская одежда

Evenk woman's garment.
Early 20th century

Эвенкийская женская одежда

Evenk woman's garment: detail.
Early 20th century

Фрагмент отделки эвенкийской
женской одежды

Evenk woman's garment: detail.
Early 20th century

Фрагмент отделки эвенкийской
женской одежды

Evenk fur boots. Early 20th century
Эвенкийские унты

Evenk man's cap. Early 20th century
Эвенкийский мужской капор

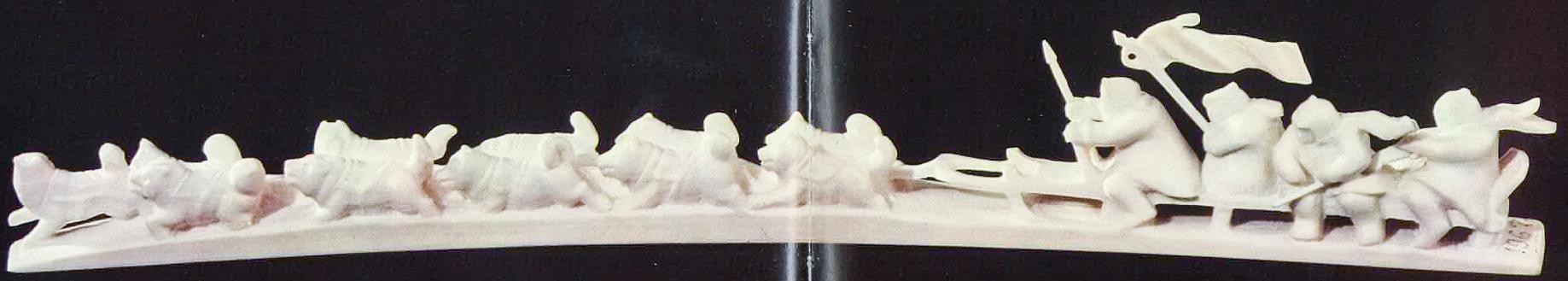

Even woman's garment: detail.
Late 19th century

Фрагмент отделки эвенской
женской одежды

Even woman's garment.
Late 19th century
Эвенская женская одежда

S. Pesterev. *Establishing the Soviet Power in the Northland*. 1967

С. Пестрев. „За власть Советов на Севере“

Even man's apron. Late 19th century
Отделка эвенского мужского нагрудника

Evenki man's garment: detail. 1940s

Фрагмент отделки энечкой
мужской одежды

Dolgan woman's garment: detail. 1960s
Фрагмент отделки долганской женской одежды

Dolgan man's garment: detail.
Early 20th century

Фрагмент отделки долганской
мужской одежды

Dolgan man's cap: detail. 1960s
Фрагмент отделки долганского мужского капора

Dolgan woman's caps. 1960s
Долганские женские капоры

Nennish woman's garment.

Early 20th century

Ненецкая женская одежда

Nennish holiday woman's garment; detail.
Early 20th century

Фрагмент отделки ненецкой женской
праздничной одежды

Nennish fur slippers: detail.
Early 20th century
Отделка ненецкой домашней обуви

Nennish woman's headwear. 1930s
Ненецкий женский капор

Nennish hand-bag. 1930s
Ненецкая сумка

Nennish hand-bag. 1950s
Ненецкая сумка

Nennish thigh-boot. 1900s
Ненецкий торбас

30

Nennish thigh-boots. 1950s
Ненецкие торбаса

Koryak rug. Early 20th century
Корякский ковер

Nennish travelling-bag. 1950s
Ненецкая сумка

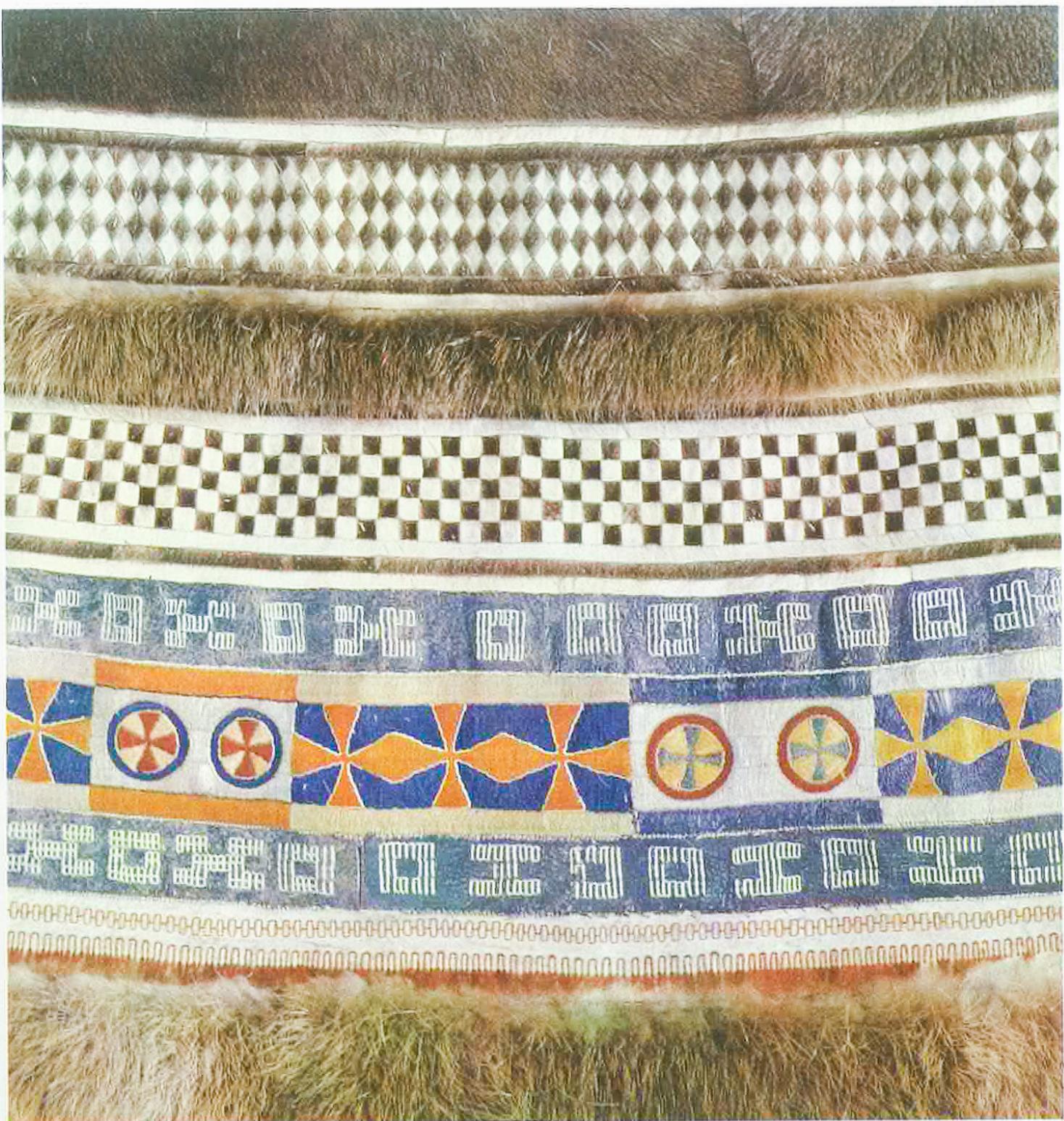
Khant summer boot. 1930s
Хантыйский летний торбас

Khant woman's summer gown. 1930s
Летний женский халат казымских хантов

Khant woman's garment: detail. 1930s
Фрагмент отделки женской одежды
северных хантов

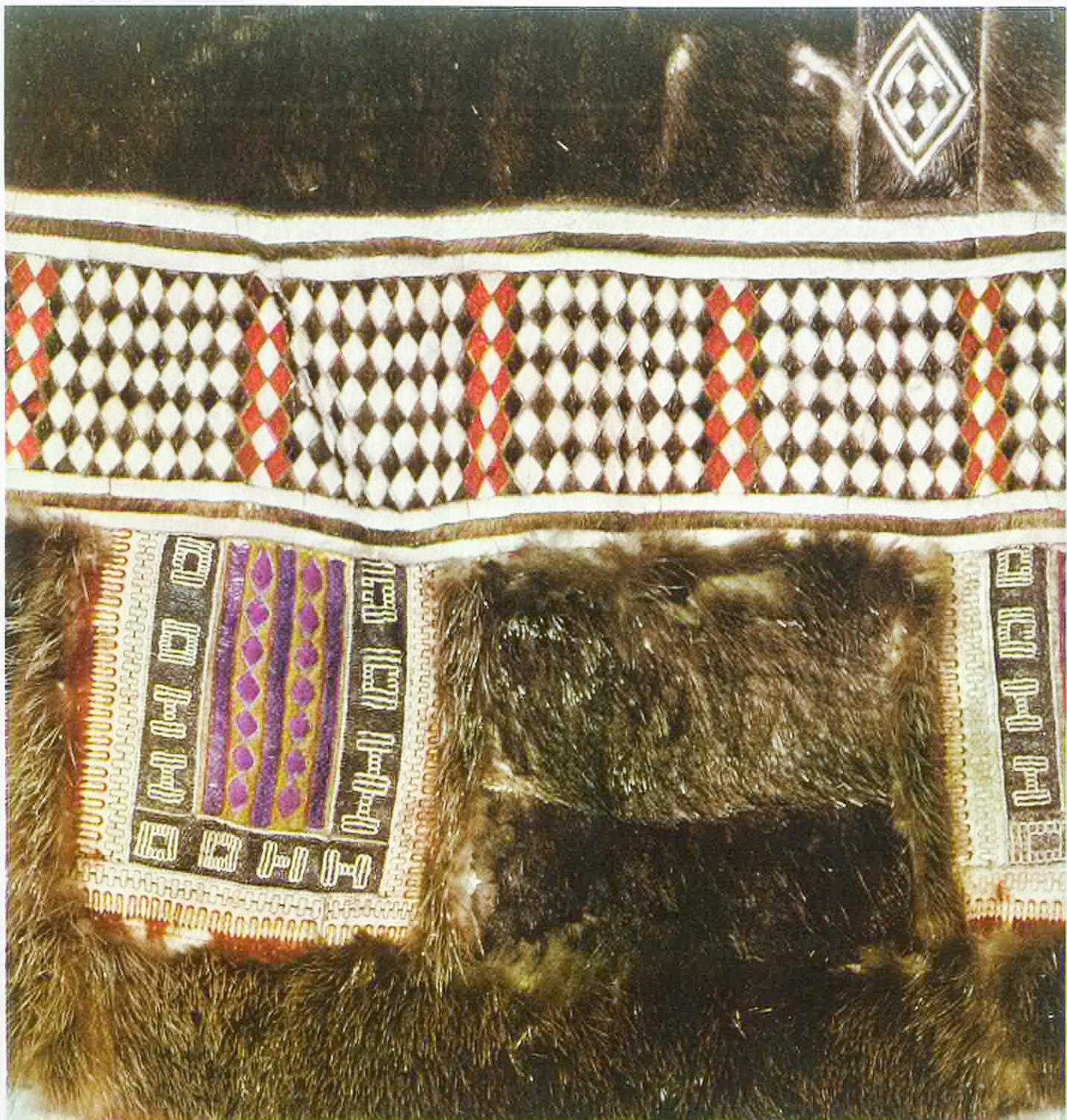

Koryak man's garment: detail.
Late 19th century
Фрагмент отделки корякской
мужской одежды

Fragments of Koryak hem edgings.
Late 19th century

Кайма для корякской одежды.
Фрагменты

Koryak man's garment: detail.
Late 19th century
Фрагмент отделки корякской
мужской одежды

Koryak footwear: detail. 1930s
Фрагмент отделки корякского торбаса

Chukchi indoor booties. 1950s
Чукотская домашняя обувь

Koryak man's garment: detail.
Mid-20th century

Фрагмент отделки корякской
мужской одежды

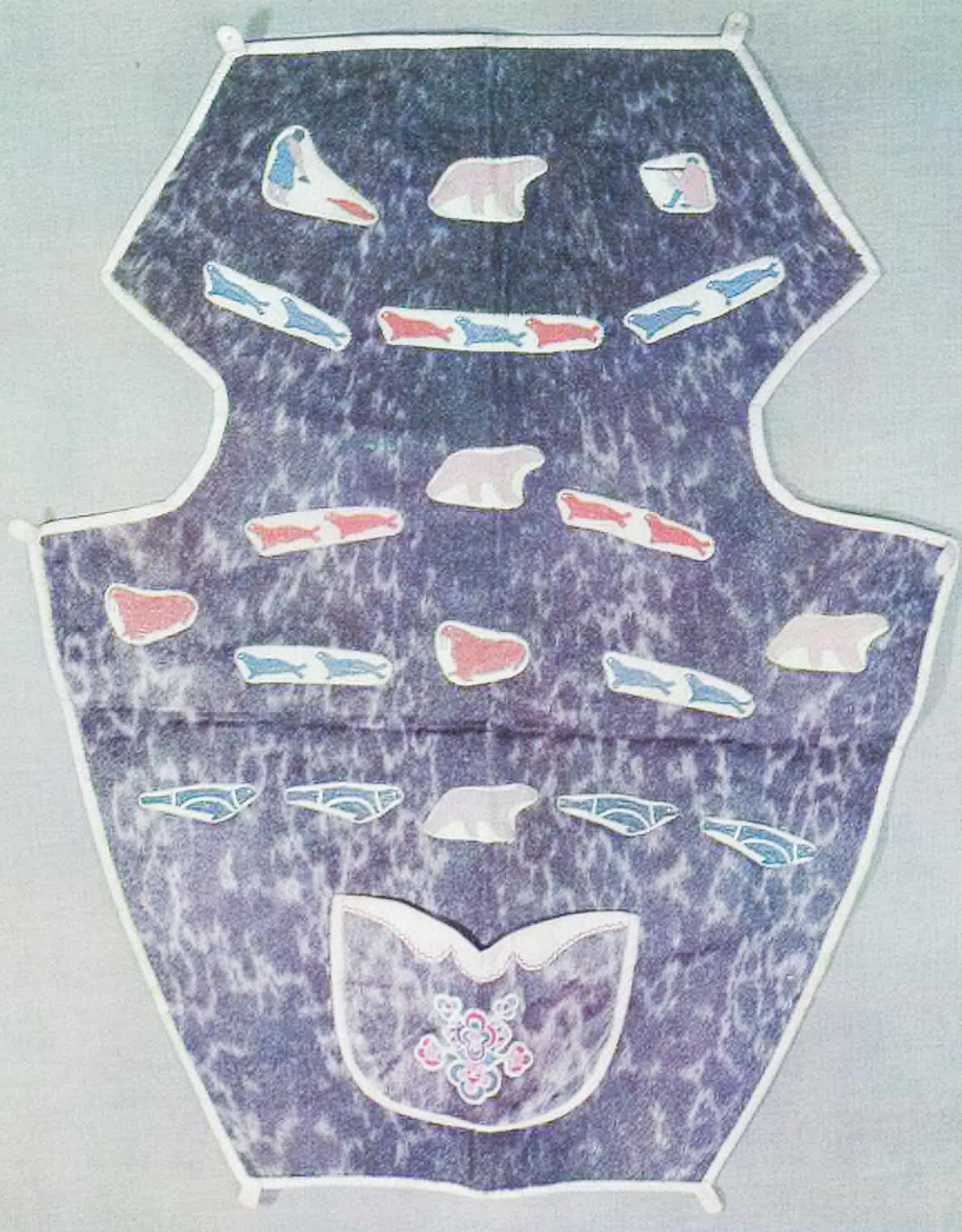
Koryak holiday woman's garment:
detail. 1960s

Фрагмент отделки корякской
женской праздничной одежды

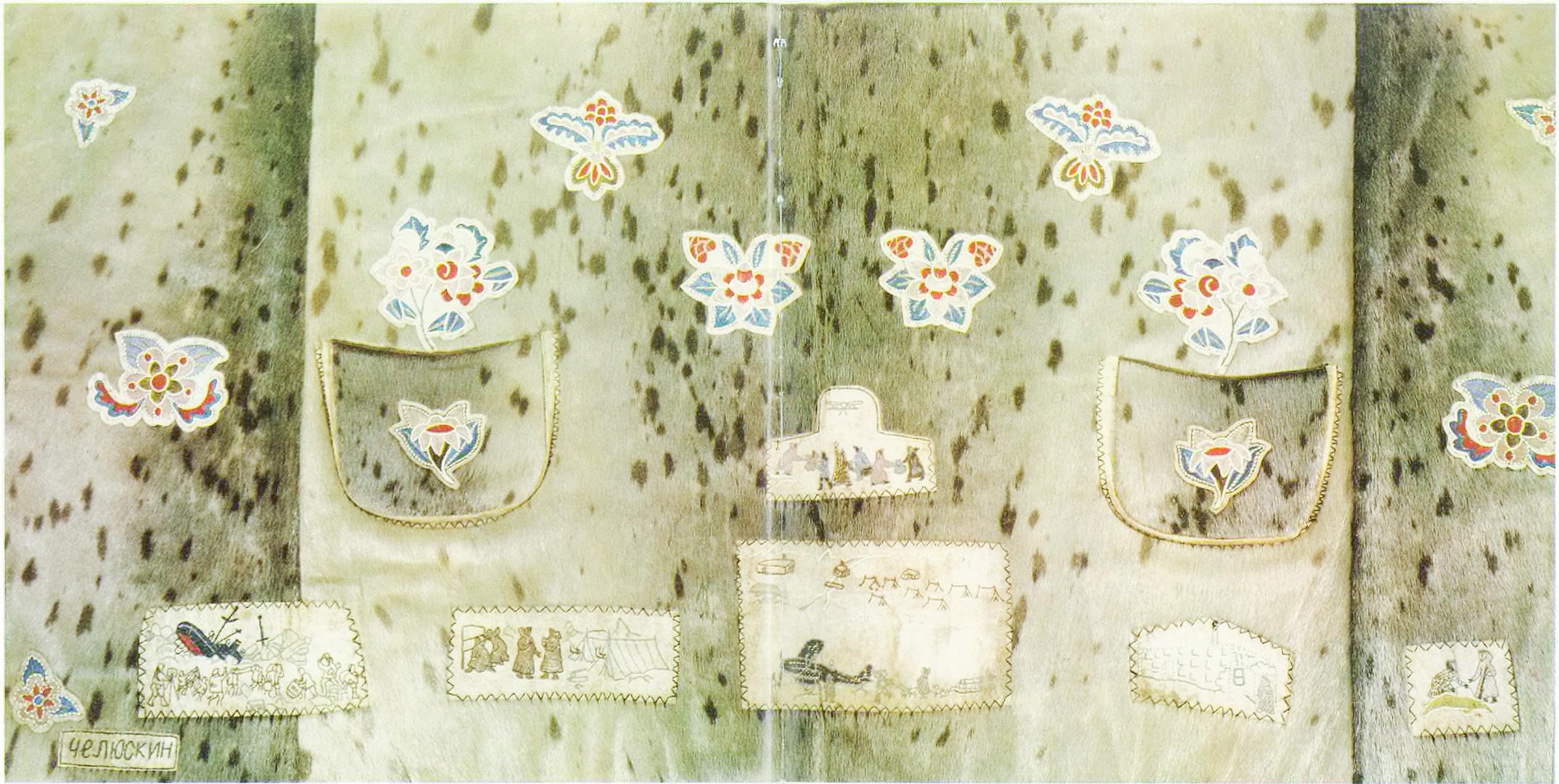

Eskimo chain necklace and pipe.
Early 20th century

Эскимосские цепочка-ожерелье
и курительная трубка

Chukchi decorative rug. 1950s
Чукотский фигурный коврик

Chukchi rug: detail. 1930s
Чукотский ковер. Фрагмент

Eskimo rug. 1930s
Эскимосский коврик

Eskimo ball. 1930s
Эскимосский мяч

Chukchi miniature sculpture:
reindeer, polar bear and dog. 1950s

Чукотская миниатюрная скульптура:
олень, белый медведь, собака

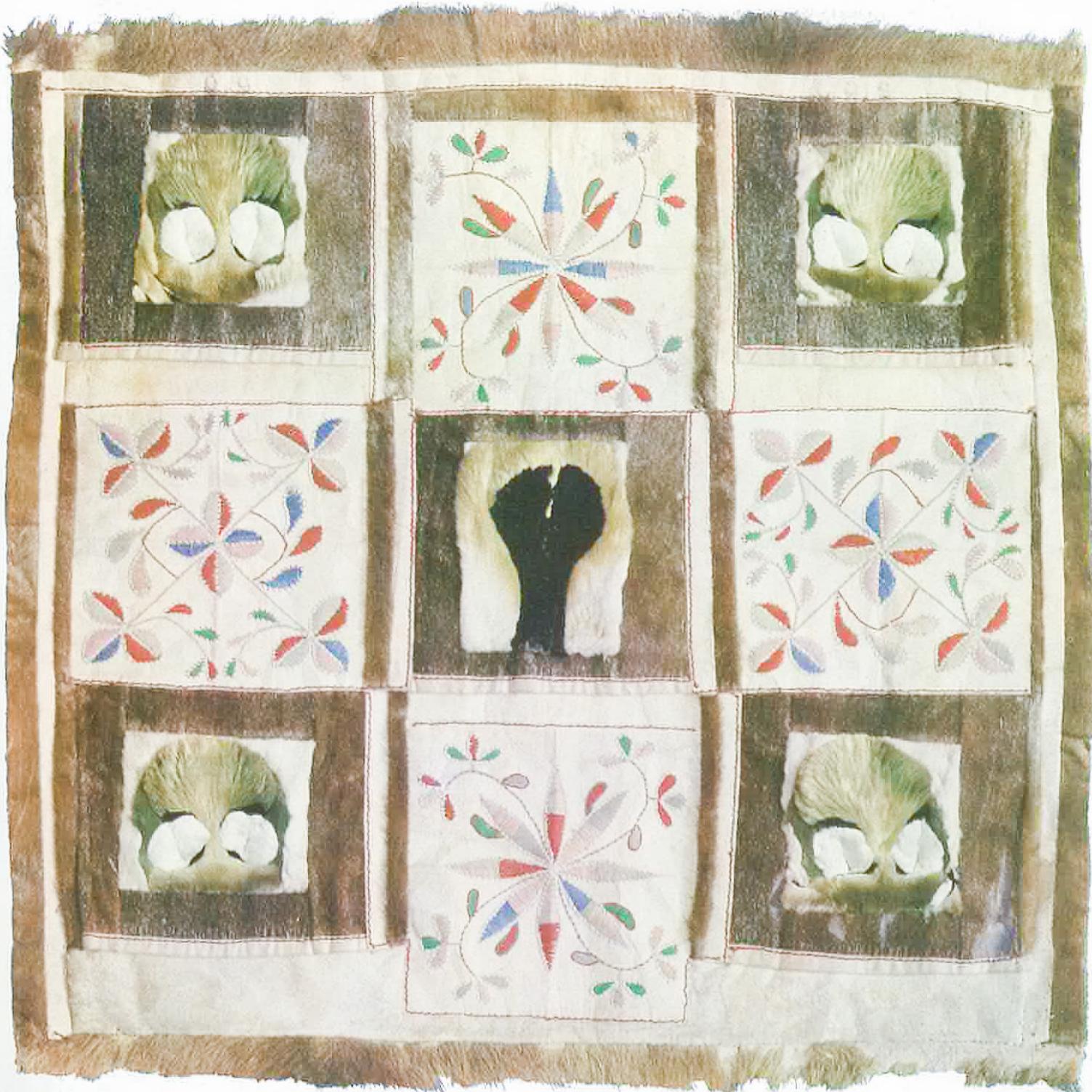

Chukchi miniature sculpture.
representing sea animals. 1930s

Чукотская миниатюрная скульптура:
морской заяц, морж, лахтак

Chukchi rug, 1950s
Чукотский коврик

Chukchi rug. 1950s
Чукотский коврик

Chukchi dolls of reindeer fur.
Early 20th century
Чукотские куклы из оленьего меха

Nennish doll and two hand-bags. 1950s
Ненецкие кукла и две сумочки

Eskimo hold-all. Early 20th century
Эскимосская сумка

Eskimo hand-bag, 1930
Эскимосская сумка

Chukchi-made briefcase. 1950s
Портфель работы чукотских мастеров

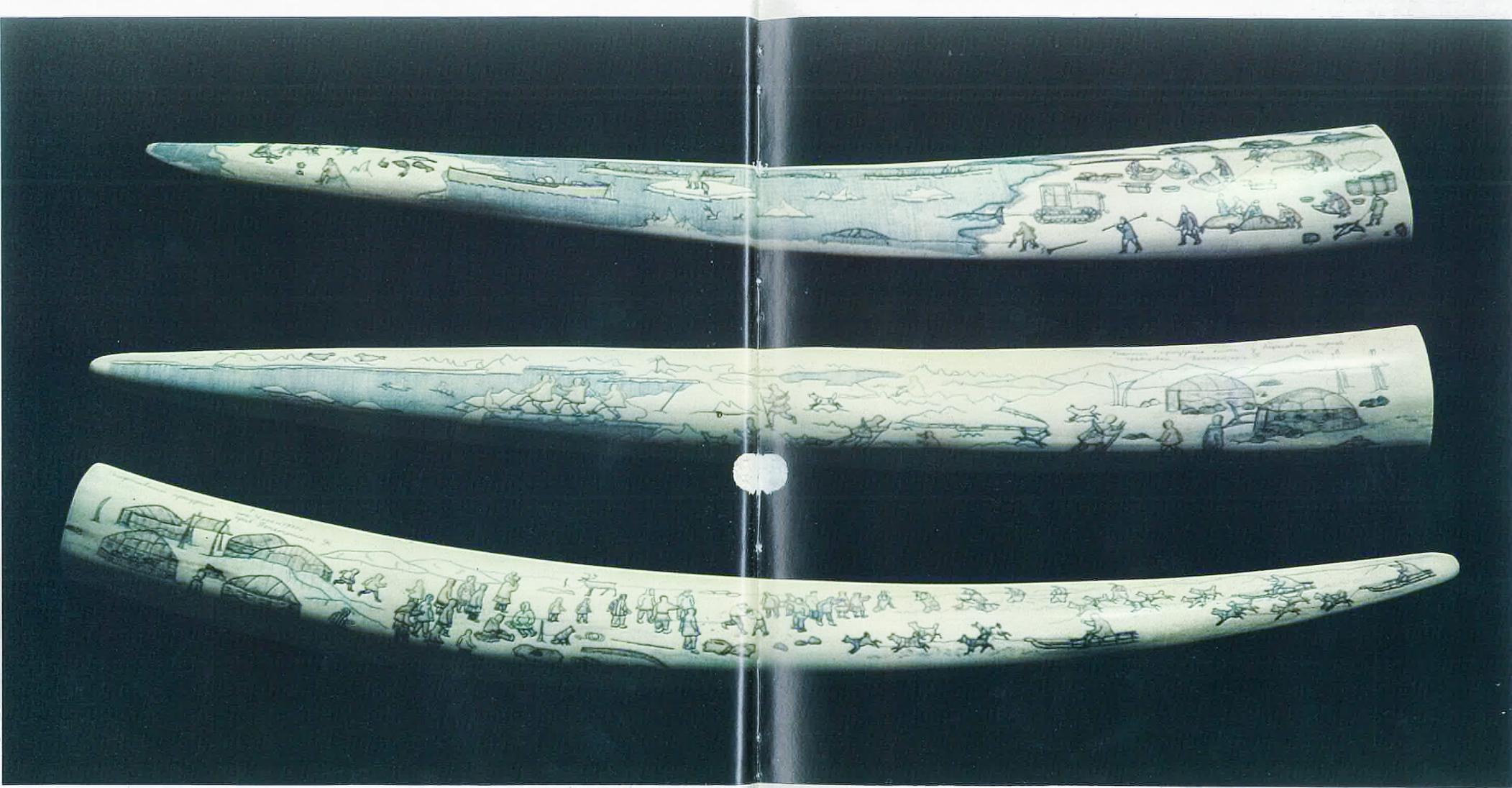
Chukchi-made briefcases, 1930s
Портфели работы чукотских мастеров

Yakut *koumiss* ladle. Late 19th century
Якутский черпак для кумыса

Yakut *chorons*. Late 19th century
Якутские чороны

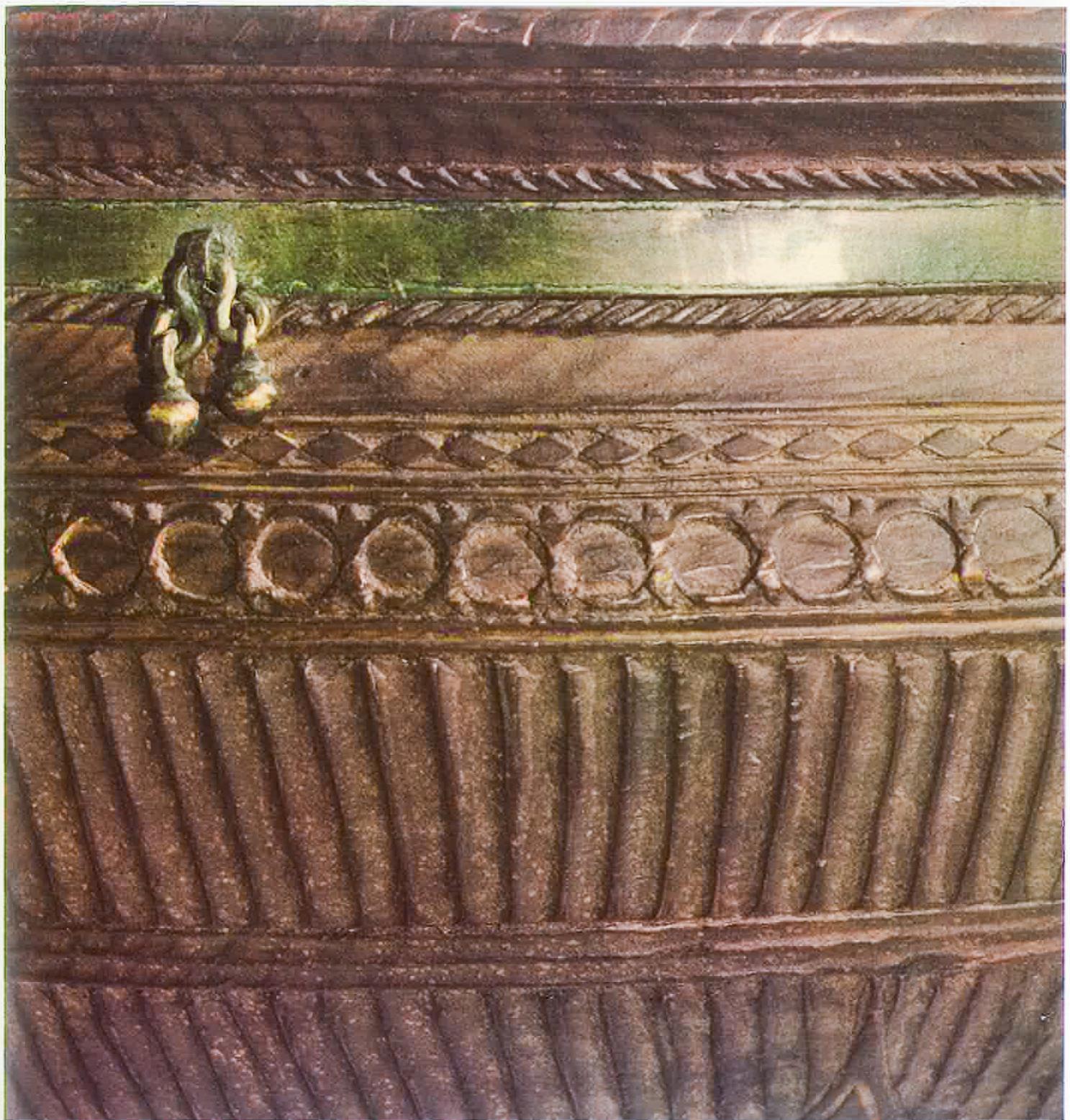

G. Tynatval. *Hunting*. 1970
T. Pechetegina. *Hunting*;
Athletics Festival. 1971
Г. Тынатваль. „Охота“
Т. Печетегина. „Охота“,
„Спортивный праздник“

Yakut birchbark box: detail.
Early 20th century

Якутский берестяной короб. Деталь

Yakut bowl: detail.
Late 19th century
Якутская чаша. Деталь

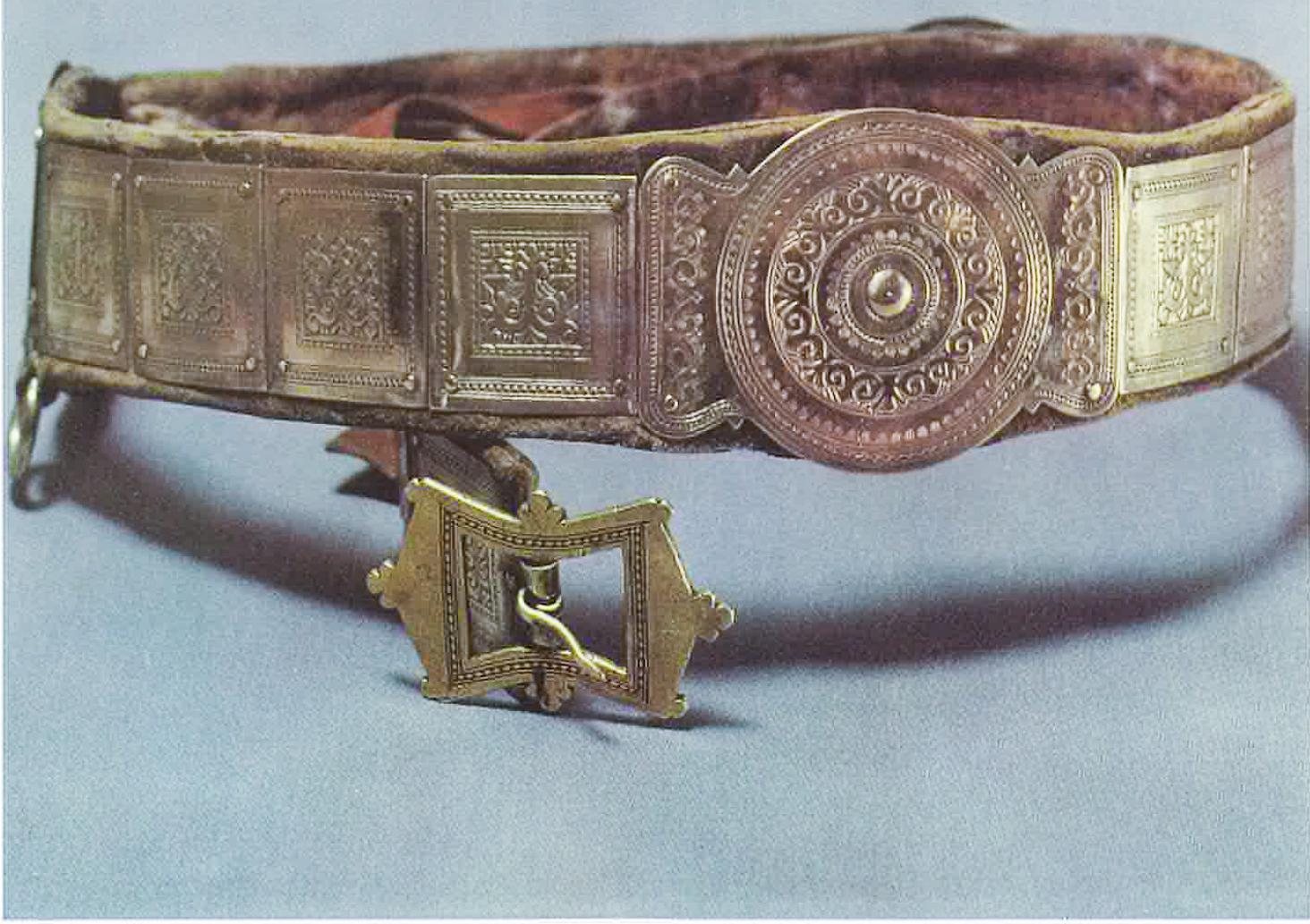
Yakut woman's holiday headwear.
Late 19th century

Якутские женские праздничные
головные уборы

Fragment of birchbark panel
used for building *urasas*.
Early 20th century

Фрагмент берестяного полотнища урасы

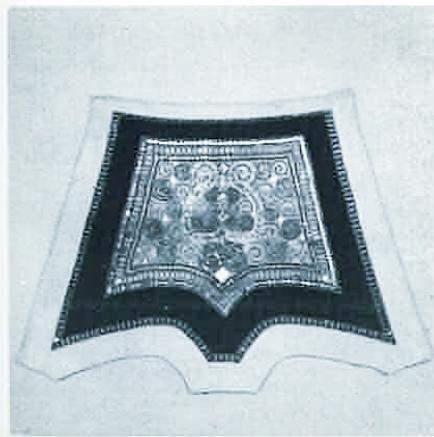
Yakut link belt. Late 19th century
Якутский наборный пояс

Yakut woman's saddle: detail.
Late 19th century
Якутское женское седло. Деталь

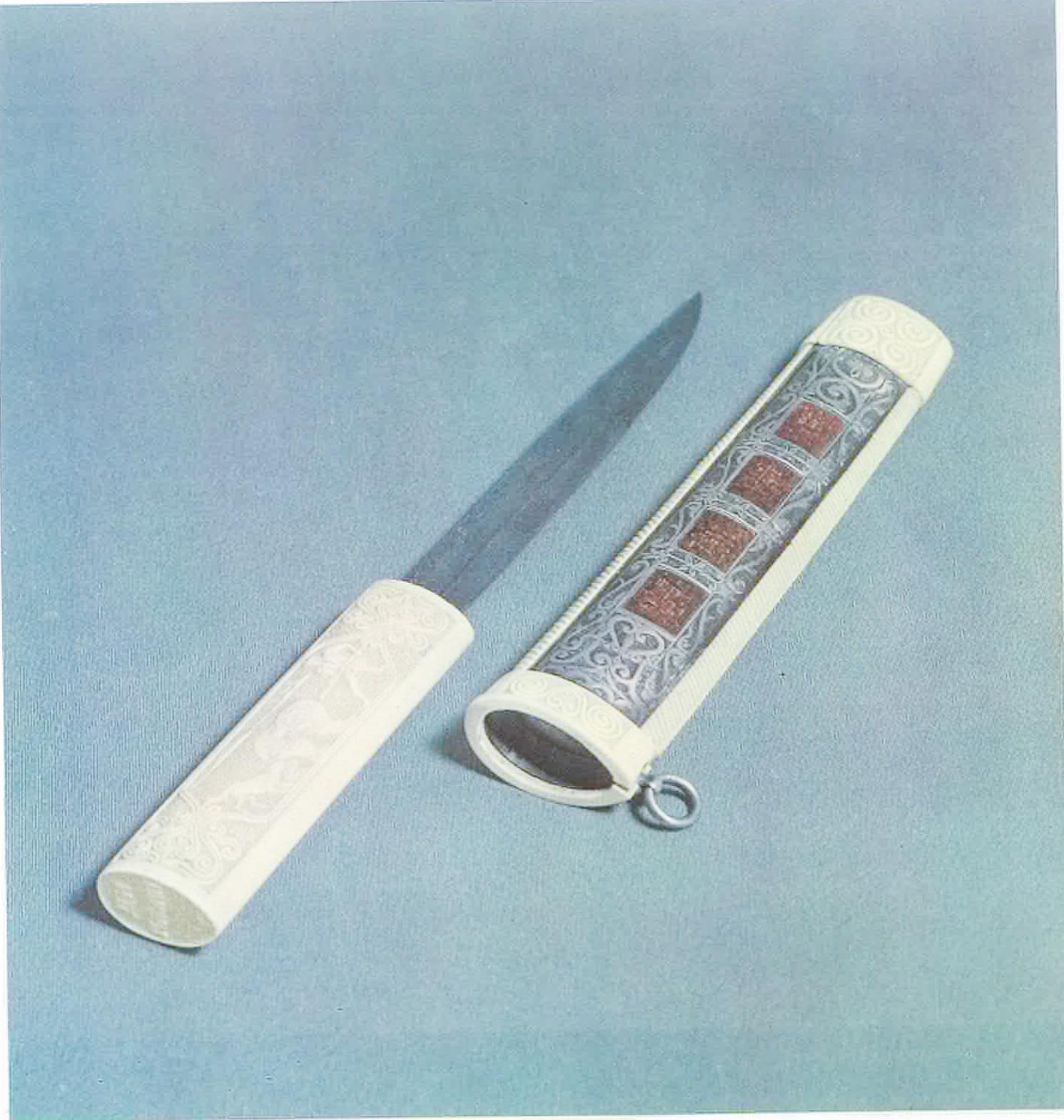

Yakut saddle-cloth.
Early 20th century
Якутский конский чепрак

Yakut saddle-cloth: detail.
Early 20th century

Якутский конский чепрак. Фрагмент

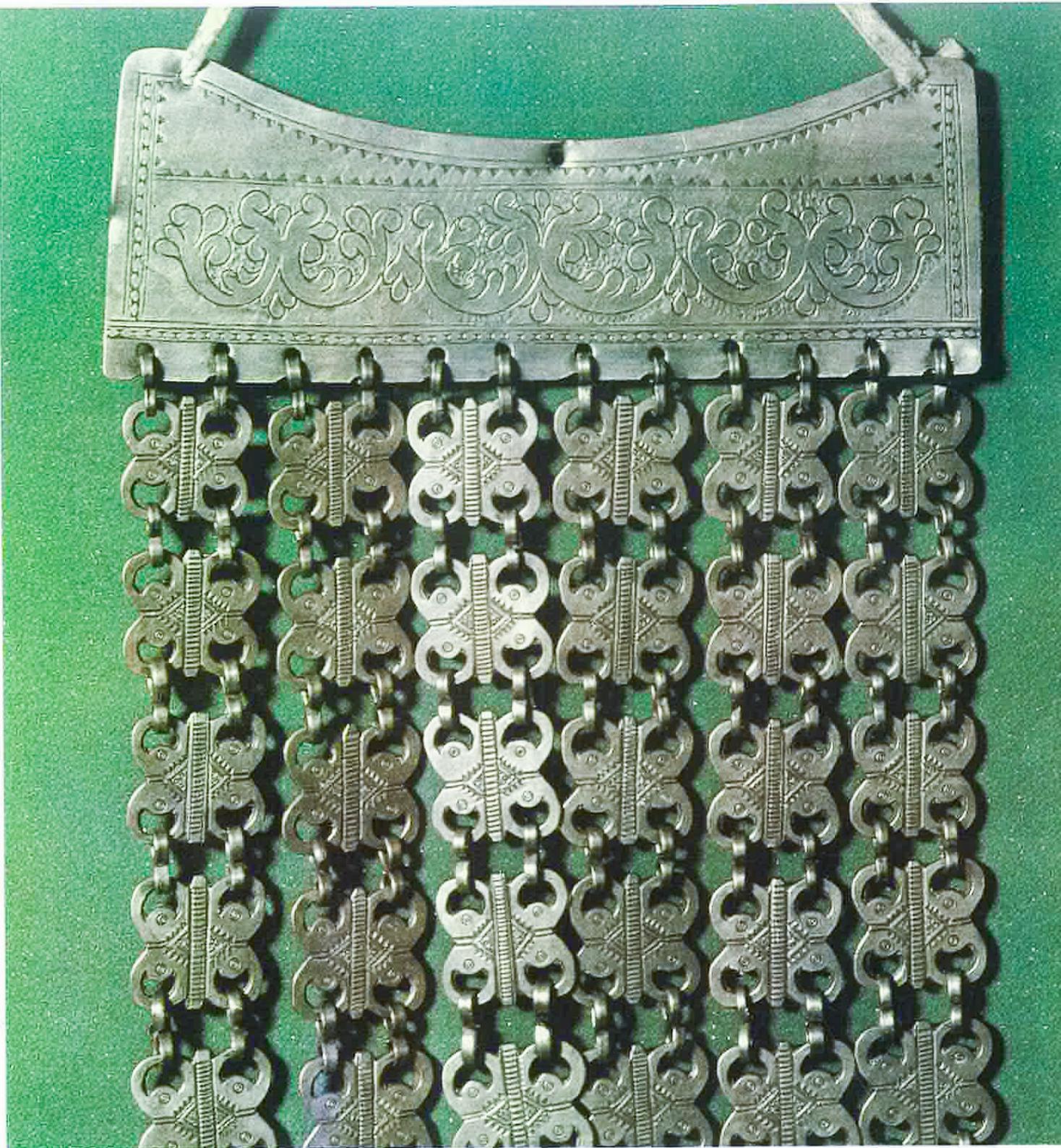

D. Iljin. Yakut knife with sheath. 1967
Д. Ильин. Якутский нож с ножнами

Yakut-made belt pendants adorning a Dolgan child's garment. 1960s

Металлические подвески якутской работы на долганской детской одежде. Деталь

Yakut woman's breast ornament:
detail. 1960s

Якутское женское нагрудное украшение.
Деталь

Yakut ear pendants (enlarged). 1960s
Якутские серьги (увеличенены)

E. Ammosova. Yakut child's winter coat:
detail of trimming. 1968

Е. Аммосова. Фрагмент отделки
детской шубы

E. Ammosova. Yakut woman's winter garment: detail of trimming. 1968

Е. Аммосова. Фрагмент отделки женской шубы

S. Pesterev. *The Lassoer*. 1966
С. Пестерев. „Арканщик“

SUPPLEMENT
ПРИЛОЖЕНИЯ

LIST OF PLATES

- 1 G. Tatro (b. 1939)
Reindeer Team, 1969
Walrus tusk
5 × 18 × 6*
Art Industry Research Institute, Moscow
- 2 Vukvol (1913–41)
Chukchi Legend about Lenin, 1937–38
Walrus tusk, engraving, tinting
Length: 71
Central Lenin Museum, Moscow
- 3 Dolgan reindeer harness: detail. Early 20th century
Rovduga, ** cloth, beadwork
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 4 Dolgan woman's reindeer saddle: detail. 1900s
Wood, reindeer pelt, metal inlay
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 5 Evenk bag. 1930s
Rovduga, textile, beadwork
29 × 33
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 6 Yukaghir garment. 1890s
Reindeer fur, textile, reindeer-hair needlework, coloured thread embroidery
Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences, Leningrad
- 7 Evenk man's apron. Early 20th century
Rovduga, fur, beadwork
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 8 Evenk belts: details. 1930s
Rovduga, beadwork
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 9 Evenk garment. Early 20th century
Reindeer fur, coloured textile, beadwork
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 10 Evenk woman's garment. Early 20th century
Elk *rovдuga*, fur, textile *appliqu *, beadwork
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 11 Evenk woman's garment: detail. Early 20th century
Rovduga, fur, textile *appliqu *, beadwork
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 12 Evenk woman's garment: detail. Early 20th century
Reindeer fur, coloured textile, beadwork
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 13 Evenk fur boots. Early 20th century
Reindeer leg pelts, coloured textile, beadwork
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 14 Evenk man's cap. Early 20th century
Reindeer fur, beadwork, bead trimming, reindeer-hoof pendants
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad

* All dimensions are given in centimetres.

** Reindeer skin made into a special kind of chamois.

- 15 Even woman's garment: detail. Late 19th century
Reindeer fur, *rovдuga*, metal spangles, beadwork, bead trimming
Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences, Leningrad
- 16 Even woman's garment. Late 19th century
Reindeer fur, *rovдuga*, *rovдuga* mosaic, *rovдuga* braid and fringe
Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences, Leningrad
- 17 S. Pesterev (b. 1917)
Establishing the Soviet Power in the Northland. 1967
Mammoth ivory
5 × 32 × 2
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 18 Even man's apron. Late 19th century
Reindeer fur, *rovдuga*, coloured textile, beadwork, reindeer-hair needlework
Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences, Leningrad
- 19 Ennish man's garment: detail. 1940s
Reindeer fur, fur mosaic, coloured textile, dyed leather, *rovдuga*
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 20 Dolgan woman's garment: detail. 1960s
Reindeer fur, cloth, coloured wool
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 21 Dolgan man's garment: detail. Early 20th century
Reindeer fur, cloth, beadwork
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 22 Dolgan man's cap: detail. 1960s
Reindeer fur, cloth, beadwork
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 23 Dolgan woman's caps. 1960s
Wolverene fur, fox paws, cloth, beadwork
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 24 Nennish woman's garment. Early 20th century
Reindeer fur, fur mosaic, coloured cloth
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 25 Nennish holiday woman's garment: detail. Early 20th century
Fur, fur mosaic, birdskins, brocade
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 26 Nennish fur slippers: detail. Early 20th century
Reindeer fur, fur mosaic, coloured cloth
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 27 Nennish woman's headwear. 1930s
Reindeer fur, fur mosaic, coloured cloth
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 28 Nennish hand-bag. 1930s
Reindeer fur, sealskin, fur mosaic, coloured cloth
60 × 76
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 29 Nennish hand-bag. 1950s
Reindeer fur, fur mosaic, coloured cloth, *rovдuga* fringe
27 × 23
Vorkuta Museum of Regional Studies

- 30 Nennish thigh-boot. 1900s
 Reindeer leg pelts, coloured cloth
 Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 31 Nennish thigh-boots. 1950s
 Reindeer leg pelts, coloured cloth
 Vorkuta Museum of Regional Studies
- 32 Koryak rug. Early 20th century
 Reindeer fur, fur mosaic
 108×61
 Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences, Leningrad
- 33 Nennish travelling-bag. 1950s
 Reindeer fur, fur mosaic, *rovдuga*, coloured textile, *rovдuga* fringe
 24×23
 Vorkuta Museum of Regional Studies
- 34 Nennish travelling-bag. 1950s
 Reindeer fur, fur mosaic, coloured cloth, *rovдuga* fringe, reindeer-hoof pendants
 25×23
 Vorkuta Museum of Regional Studies
- 35 Khant summer boot. 1930s
Rovдuga, stencilled design
 Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 36 Khant woman's summer gown. 1930s
 Sateen, cotton fabric *appliqu *, beadwork
 Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 37 Khant woman's garment: detail. 1930s
 Reindeer fur, fur mosaic, coloured cloth
 Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 38 Koryak man's garment: detail. Late 19th century
 Reindeer fur, fur mosaic, *rovдuga*, reindeer-hair needlework, coloured silk embroidery
 Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 39 Fragments of Koryak hem edgings. Late 19th century
 Reindeer fur, fur mosaic
 Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences, Leningrad
- 40 Koryak man's garment: detail. Late 19th century
 Reindeer fur, fur mosaic, reindeer-hair needlework, coloured silk embroidery
 Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences, Leningrad
- 41 Koryak footwear: detail. 1930s
 Reindeer leg pelts, fur mosaic, *rovдuga*, reindeer-hair needlework, coloured thread embroidery
 Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 42 Chukchi indoor booties. 1950s
Mandarka,* reindeer-hair needlework, coloured silk embroidery
 Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 43 Koryak man's garment: detail. Mid-20th century
Rovдuga, leather *appliqu *, reindeer-hair needlework, beadwork, coloured silk embroidery
 Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 44 Koryak holiday woman's garment: detail. 1960s
 Reindeer fur, reindeer-hair needlework, coloured thread embroidery, *rovдuga* thongs, beads
 Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad

* Specially processed sealskin.

- 45 Eskimo chain necklace and pipe. Early 20th century
Walrus tusk, engraving, tinting
Length of the pipe: 29
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 46 Chukchi decorative rug, 1950s
Sealskin, textile *appliqué*, reindeer-hair needlework, coloured silk embroidery
 95×73
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 47 Chukchi rug: detail, 1930s
Sealskin, *mandarka appliqué*, reindeer-hair needlework, coloured thread embroidery
 61×124
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 48 Eskimo rug. 1930s
Mandarka,* leather *appliqué*
 50×56
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 49 Eskimo ball. 1930s
Mandarka, leather *appliqué*, reindeer-hair trimming
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 50 Chukchi miniature sculpture: reindeer, polar bear and dog. 1950s
Walrus tusk
 $9 \times 10 \times 2$; $5 \times 10.5 \times 2$; $3 \times 8 \times 1.5$
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 51 Chukchi miniature sculpture representing sea animals. 1930s
Walrus tusk
 $3 \times 7 \times 3$; $3 \times 8.5 \times 3$; $4.5 \times 10 \times 2.5$
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 52 Chukchi rug. 1950s
Mandarka, sealskin, cloth, reindeer-hair needlework, coloured silk embroidery
 45×51
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 53 Chukchi rug. 1950s
Mandarka, fur, birdskins, reindeer-hair needlework, coloured thread embroidery
 52×52.5
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 54 Chukchi dolls of reindeer fur. Early 20th century
Height: 14; 13
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 55 Nennish doll and two hand-bags. 1950s
Reindeer fur, coloured cloth
Height of the doll: 17
Vorkuta Museum of Regional Studies
- 56 Eskimo hold-all. Early 20th century
Mandarka, leather *appliqué*
 25.5×14
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 57 Eskimo hand-bag. 1930s
Sealskin, *mandarka*, *mandarka appliqué*, reindeer-hair needlework
 29×34
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 58 Chukchi-made briefcase. 1950s
Sealskin, reindeer-hair needlework, coloured silk embroidery
 35×45
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad

* Specially processed sealskin.

- 59 Chukchi-made briefcases. 1930s
Sealskin, reindeer-hair needlework, coloured silk embroidery
29×36.5; 26.5×38
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 60 Yakut *koumiss* ladle. Late 19th century
Wood, carving
Length: 51; diam.: 13.5
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 61 Yakut *chorons* (wooden vessels for *koumiss*). Late 19th century
Wood, carving
Length: 44.5; 16; diam.: 17.5; 9
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 62 G. Tynatval. Born 1930
Hunting. 1970
T. Pechetegina. Born 1948
Hunting. 1971
Athletics Festival. 1971
Walrus tusk, engraving, tinting
Length: 66; 60; 57
Art Industry Research Institute, Moscow
- 63 Yakut birchbark box: detail. Early 20th century
Slashed birchbark, foil, horse-hair plaiting
Height: 20; diam.: 29
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 64 Yakut bowl: detail. Late 19th century
Wood, brass, carving
Height: 19.5; diam.: 44
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 65 Yakut woman's holiday headwear. Late 19th century
Fur, cloth, silver thread embroidery
Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences, Leningrad
- 66 Fragment of birchbark panel used for building *urasas*
(Yakut old-time summer dwellings). Early 20th century
Slashed tinted birchbark *appliqué*, horse-hair trimming
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 67 Yakut link belt. Late 19th century
Leather, brass, silver, engraving
Yakut Republic Museum of Regional Studies
- 68 Yakut woman's saddle: detail. Late 19th century
Wood, metal, casting, chasing, engraving
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 69 Yakut saddle-cloth. Early 20th century
Cloth, *rovдуга*, beadwork, metal spangles
Yakut Republic Museum of Regional Studies
- 70 Yakut saddle-cloth: detail. Early 20th century
Cloth, beadwork, metal spangles
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad
- 71 D. Ilyin. Born 1914
Yakut knife with sheath. 1967
Mammoth ivory, metal, carving
Yakut Republic Museum of Arts

- 72 Yakut-made belt pendants adorning a Dolgan child's garment. 1960s
Metal, casting, stamping, chasing, beads
Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, Leningrad
- 73 Yakut woman's breast ornament. 1960s
Silver, stamping, chasing, engraving
RSFSR Artists' Union, Yakut Branch
- 74 Yakut ear pendants (enlarged). 1960s
Silver, stamping, chasing
RSFSR Artists' Union, Yakut Branch
- 75 E. Ammosova. Born 1915
Yakut child's winter coat: detail of trimming. 1968
Reindeer fur, cloth, beadwork
RSFSR Artists' Union, Yakut Branch
- 76 E. Ammosova. Born 1915
Yakut woman's winter garment: detail of trimming. 1968
Reindeer fur, cloth, beadwork
RSFSR Artists' Union, Yakut Branch
- 77 S. Pesterev. Born 1917
The Lassoer. 1966
Mammoth ivory
6 × 13 × 2.5
Museum of the Arctic and Antarctic, Leningrad

White Night in the North. Photograph by TASS, Leningrad. 1970s
Chukotka Landscape. Photograph by I. Kulikova. 1972
Fragments of walrus tusks engraved by G. Tynatval and T. Pechetegina

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- 1 Г. Татро. Род. 1939
„Оленья упряжка“. 1969
Моржовый клык. $5 \times 18 \times 6^*$
Научно-исследовательский институт художественной промышленности. Москва
- 2 Вуквол. 1913–1941
„Чукотская легенда о Ленине“. 1937–1938
Моржовый клык, гравировка, подкраска. Длина 71
Центральный музей В. И. Ленина. Москва
- 3 Долганская праздничная оленья упряжь. Начало XX в. Деталь
Ровдуга, сукно, шитье бисером
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 4 Долганское женское верховое седло. 1900-е гг. Деталь
Дерево, олений мех, инкрустация металлом
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 5 Эвенкийская сумка. 1930-е гг.
Ровдуга, ткань, шитье бисером. 29×33
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 6 Юкагирская женская одежда. 1890-е гг.
Олений мех, ткань, шитье оленым волосом, вышивка цветными нитками
Музей антропологии и этнографии АН СССР. Ленинград
- 7 Эвенкийский мужской нагрудник. Начало XX в.
Ровдуга, мех, шитье бисером
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 8 Эвенкийские пояса. 1930-е гг. Фрагменты
Ровдуга, шитье бисером
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 9 Эвенкийская одежда. Начало XX в.
Олений мех, цветная ткань, шитье бисером
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 10 Эвенкийская женская одежда. Начало XX в.
Лосиная ровдуга, мех, аппликация из ткани, шитье бисером
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 11 Фрагмент отделки эвенкийской женской одежды. Начало XX в.
Ровдуга, мех, аппликация из ткани, шитье бисером
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 12 Фрагмент отделки эвенкийской женской одежды. Начало XX в.
Олений мех, цветная ткань, шитье бисером
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 13 Эвенкийские унты. Начало XX в.
Олений камус, цветная ткань, шитье бисером
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 14 Эвенкийский мужской капор. Начало XX в.
Олений мех, шитье бисером, бусы, подвески из оленевых копытцев
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград

* Размеры даны в сантиметрах.

- 15 Фрагмент отделки эвенской женской одежды. Конец XIX в.
Олений мех, ровдуга, металлические бляшки, бусы, бисер
Музей антропологии и этнографии АН СССР. Ленинград
- 16 Эвенская женская одежда. Конец XIX в.
Олений мех, ровдуга, мозаика из ровдуги, плетение и баxрома из ровдужных ремешков
Музей антропологии и этнографии АН СССР. Ленинград
- 17 С. Пестерев. Род. 1917
Заслуженный деятель искусств Якутской АССР
„За власть Советов на Севере“. 1967
Мамонтовая кость. $5 \times 32 \times 2$
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 18 Отделка эвенского мужского нагрудника. Конец XIX в.
Олений мех, ровдуга, цветная ткань, шитье бисером и оленым волосом
Музей антропологии и этнографии АН СССР. Ленинград
- 19 Фрагмент отделки энечкой мужской одежды. 1940-е гг.
Олений мех, меховая мозаика, цветная ткань, крашеные кожа и ровдуга, ровдужные ремешки
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 20 Фрагмент отделки долганской женской одежды. 1960-е гг.
Олений мех, сукно, цветная шерсть
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 21 Фрагмент отделки долганской мужской одежды. Начало XX в.
Олений мех, сукно, шитье бисером
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 22 Фрагмент отделки долганского мужского капора. 1960-е гг.
Олений мех, сукно, шитье бисером
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 23 Долганские женские капоры. 1960-е гг.
Мех росомахи, лисьи лапки, сукно, шитье бисером
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 24 Ненецкая женская одежда. Начало XX в.
Олений мех, меховая мозаика, цветное сукно
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 25 Фрагмент отделки ненецкой женской праздничной одежды. Начало XX в.
Мех, меховая мозаика, сукно, птичьи шкурки, парча
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 26 Отделка ненецкой домашней обуви. Начало XX в.
Олений мех, меховая мозаика, цветное сукно
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 27 Ненецкий женский капор. 1930-е гг.
Олений мех, меховая мозаика, цветное сукно
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 28 Ненецкая сумка. 1930-е гг.
Олений мех, шкура нерпы, меховая мозаика, цветное сукно. 60×76
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 29 Ненецкая сумка. 1950-е гг.
Олений мех, меховая мозаика, цветное сукно, ровдужная баxрома. 27×23
Воркутинский краеведческий музей
- 30 Ненецкий торбас. 1900-е гг.
Олений камус, цветное сукно
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград

- 31 Ненецкие торбаса. 1950-е гг.
Олений камус, цветное сукно
Воркутинский краеведческий музей
- 32 Корякский ковер. Начало XX в.
Олений мех, меховая мозаика. 108 × 61
Музей антропологии и этнографии АН СССР. Ленинград
- 33 Ненецкая сумка. 1950-е гг.
Олений мех, меховая мозаика, ровдуга, цветное сукно, ровдужная бахрома. 24 × 23
Воркутинский краеведческий музей
- 34 Ненецкая сумка. 1950-е гг.
Олений мех, меховая мозаика, цветное сукно, ровдужная бахрома, подвески из оленевых копытцев. 25 × 23
Воркутинский краеведческий музей
- 35 Хантыйский летний торбас. 1930-е гг.
Ровдуга, раскраска по трафарету
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 36 Летний женский халат казымских хантов. 1930-е гг.
Сatin, аппликация из хлопчатобумажной ткани, шитье бисером
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 37 Фрагмент отделки женской одежды северных хантов. 1930-е гг.
Олений мех, меховая мозаика, цветное сукно
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград.
- 38 Фрагмент отделки корякской мужской одежды. Конец XIX в.
Олений мех, меховая мозаика, ровдуга, шитье оленым волосом, вышивка цветным шелком
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 39 Кайма для корякской одежды. Конец XIX в. Фрагменты
Олений мех, меховая мозаика
Музей антропологии и этнографии АН СССР. Ленинград
- 40 Фрагмент отделки корякской мужской одежды. Конец XIX в.
Олений мех, меховая мозаика, шитье оленым волосом, вышивка цветным шелком
Музей антропологии и этнографии АН СССР. Ленинград
- 41 Фрагмент отделки корякского торбаса. 1930-е гг.
Олений камус, меховая мозаика, ровдуга, шитье оленым волосом, вышивка цветными нитками
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 42 Чукотская домашняя обувь. 1950-е гг.
Мандарка, шитье оленым волосом, вышивка цветным шелком
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 43 Фрагмент отделки корякской мужской одежды. Середина XX в.
Ровдуга, аппликация из кожи, шитье оленым волосом и бисером, вышивка цветным шелком
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 44 Фрагмент отделки корякской женской праздничной одежды. 1960-е гг.
Олений мех, шитье оленым волосом, вышивка цветными нитками, ровдужные ремешки, бусы
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 45 Эскимосские цепочка-ожерелье и курительная трубка. Начало XX в.
Моржовый клык, гравировка, подкраска. Длина трубки 29
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград

- 46 Чукотский фигурный коврик. 1950-е гг.
Шкура нерпы, аппликация из ткани, шитье оленым волосом, вышивка цветным шелком. 95 × 73
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 47 Чукотский ковер. 1930-е гг. Фрагмент
Шкура нерпы, аппликация из мандарки, шитье оленым волосом, вышивка цветными нитками. 61 × 124
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 48 Эскимосский коврик. 1930-е гг.
Мандарка, аппликация из кожи. 50 × 56
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 49 Эскимосский мяч. 1930-е гг.
Мандарка, аппликация из кожи, отделка оленым волосом
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 50 Чукотская миниатюрная скульптура: олень, белый медведь, собака. 1950-е гг.
Моржовый клык. 9 × 10 × 2; 5 × 10,5 × 2; 3 × 8 × 1,5
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 51 Чукотская миниатюрная скульптура: морской заяц, морж, лахтак. 1930-е гг.
Моржовый клык. 3 × 7 × 3; 3 × 8,5 × 3; 4,5 × 10 × 2,5
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 52 Чукотский коврик. 1950-е гг.
Мандарка, шкура нерпы, сукно, шитье оленым волосом, вышивка цветным шелком, тесьма. 45 × 51
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 53 Чукотский коврик. 1950-е гг.
Мандарка, мех, птичьи шкурки, шитье оленым волосом, вышивка цветными нитками. 52 × 52,5
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 54 Чукотские куклы из оленевого меха. Начало XX в.
Высота 14; 13
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 55 Ненецкие кукла и две сумочки. 1950-е гг.
Олений мех, цветное сукно. Высота куклы 17
Воркутинский краеведческий музей
- 56 Эскимосская сумка. Начало XX в.
Мандарка, аппликация из кожи. 25,5 × 14
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 57 Эскимосская сумка. 1930-е гг.
Шкура нерпы, мандарка, аппликация из мандарки, шитье оленым волосом. 29 × 34
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 58 Портфель работы чукотских мастеров. 1950-е гг.
Шкура нерпы, шитье оленым волосом, вышивка цветным шелком. 35 × 45
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 59 Портфели работы чукотских мастеров. 1930-е гг.
Шкура нерпы, шитье оленым волосом, вышивка цветным шелком. 29 × 36,5; 26,5 × 38
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 60 Якутский черпак для кумыса. Конец XIX в.
Дерево, резьба. Длина 51, диаметр 13,5
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград

- 61 Якутские чороны (сосуды для кумыса). Конец XIX в.
Дерево, резьба. Высота 44,5, диаметр 17,5; высота 16, диаметр 9
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 62 Г. Тынатваль. Род. 1930
„Охота“. 1970
Т. Печетегина. Род. 1948
„Охота“. 1971
„Спортивный праздник“. 1971
Моржовый клык, гравировка, подкраска. Длина 66; 60; 57
Научно-исследовательский институт художественной промышленности. Москва
- 63 Якутский берестяной короб. Начало XX в. Деталь
Прорезная и накладная береста, фольга, оплетка конским волосом. Высота 20, диаметр 29
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 64 Якутская чаша. Конец XIX в. Деталь
Дерево, медь, резьба. Высота 19,5, диаметр 44
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 65 Якутские женские праздничные головные уборы. Конец XIX в.
Мех, сукно, шитье серебряной нитью
Музей антропологии и этнографии АН СССР. Ленинград
- 66 Фрагмент берестяного полотнища урасы (старинного летнего жилища якутов).
Начало XX в.
Аппликация из подкрашенной прорезной и накладной бересты, шитье конским волосом
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 67 Якутский наборный пояс. Конец XIX в.
Кожа, медь, серебро, гравировка
Якутский республиканский краеведческий музей имени Ем. Ярославского
- 68 Якутское женское седло. Конец XIX в. Деталь
Дерево, металл, литье, чеканка, гравировка
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 69 Якутский конский чепрак. Начало XX в.
Сукно, ровдуга, шитье бисером, металлическими бляшками и пластинками
Якутский республиканский краеведческий музей имени Ем. Ярославского
- 70 Якутский конский чепрак. Начало XX в. Фрагмент
Сукно, шитье бисером, металлическими бляшками и пластинками
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград
- 71 Д. Ильин. Род. 1914
Якутский нож с ножнами. 1967
Мамонтовая кость, металл, резьба по металлу и кости
Якутский республиканский музей изобразительных искусств имени М. В. Габышева
- 72 Металлические подвески якутской работы на долганской детской одежде. 1960-е гг.
Деталь
Металл, литье, штамповка, чеканка, бусы
Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград
- 73 Якутское женское нагрудное украшение. 1960-е гг. Деталь
Серебро, штамповка, чеканка, гравировка
Якутское отделение Союза художников РСФСР
- 74 Якутские серьги (увеличенены). 1960-е гг.
Серебро, штамповка, гравировка
Якутское отделение Союза художников РСФСР

- 75 Е. Аммосова. Род. 1915
Фрагмент отделки детской шубы. 1968
Олений мех, сукно, шитье бисером
Якутское отделение Союза художников РСФСР
- 76 Е. Аммосова. Род. 1915
Фрагмент отделки женской шубы. 1968
Олений мех, сукно, шитье бисером
Якутское отделение Союза художников РСФСР
- 77 С. Пестерев. Род. 1917
Заслуженный деятель искусств Якутской АССР
„Арканщик“. 1966
Мамонтовая кость. $6 \times 13 \times 2,5$
Музей Арктики и Антарктики. Ленинград

Иллюстрации в тексте:

Белая ночь на Севере (фотохроника Лен ТАСС). 1970-е гг.

Пейзаж на Чукотке (фото И. В. Куликовой). 1972

Фрагменты гравировки на моржовых клыках работы Г. Тынатваль, Т. Печетегиной

IN THE LAND OF THE REINDEER
Applied Art in the North of the Soviet Union

Introduced and compiled by N. Kaplan
Aurora Art Publishers, Leningrad

ТРОПОЮ СЕВЕРНЫХ ОЛЕНЕЙ
Декоративно-прикладное искусство народов Крайнего Севера
Автор вступительной статьи
и составитель альбома Нина Ильинична Каплан

Фотографы Р. Е. Кириллов, Л. Г. Хейфец, В. Т. Монин, Ю. Г. Григоров, Э. Ф. Коган. Перевод с русского В. Г. Визи.
Редактор К. Ф. Софьяна. Редактор английского текста И. Б. Комарова. Художественный редактор В. Т. Левченко.
Техн. редактор Т. В. Езерская. Корректор Л. В. Денисова. Полн. в печ. 28/11 1973. Формат 60×84 1/8, бум. мел.
Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 11,86. Изд. № 442. (5-90). Издательство „Аврора“, Ленинград, Невский пр. 7/9

Издано в СССР